

повесть

9

*Ахат
Мушинский*

Мой друг Адам

Дочери Аши посвящают

М 1

МОЙ друг Адам, а полностью Адам Ремович Киссин был странен для всех не только своими ФИО, а вообще...

Впрочем, что странного в имени Адам? Редкое – это да, но происхождение всем известно. Отчество вот по-

сложнее будет. Рем – имя-акроним от «революции мировой» и получило распространение в нашей стране в первой половине XX века. Правда, есть и другое объяснение: это сокращение от мифологического Ремигия (гребца – *лат.*), но кто у нас, скажите, больно-то знает культуру античности?!

А вот значение довольно редкой фамилии Киссин... – вообще никто у нас ни сном ни духом. Куда деваться, когда астрономию ещё в прошлом веке из школьной программы изъяли, а планетарий в центре города закрыли. Но я просвещу. Киссин – это видимая с Земли звезда северного полушария в созвездии Волосы Вероники.

Был Адам Киссин, кроме как моим другом, ещё и доктором философии, профессором Государственного университета, который находился в двух кварталах от его дома. И вся жизнь его происходила в радиусе этих двух точек, в ежедневной ходьбе между ними и в пребывании в них. Ему было сорок восемь от роду, собою был он росл, прям, как аршин проглотил, виски подёрнуты лёгкой позёмкой, ниточкой пробор на чёрной, будто крашеной стрижке и такого же чёрного цвета неизменный костюм-тройка. Да, чуть не забыл, и отутюженная белоснежная рубаша в любую, что называется, погоду, с галстуком.

Адам жил на верхнем втором этаже кирпичного дома, постройки конца XIX века. Вернее, занимал весь этаж, состоявший из четырёх комнат, который оставил ему отец, физик-теоретик, перебравшийся в своё время в Москву, возглавивший там Институт квантовых систем и свивший новое семейное гнездо. Восьмидесятилетний отец держал с сыном постоянную почтово-телефонную связь, но встречаться после отъезда они больше не встречались. Мама оставила земную юдоль ещё при его ранней юности.

Я знал Адама с первого класса средней школы, а затем мы вместе учились в одном университете, правда, на разных факультетах: я протирал штаны на историческом, он грыз науку по стопам отца на физико-математическом. Каким образом после физмата стал он доктором философии, многим представлялось удивительным, для меня же было всё ясно, как белый день, – философом Адам родился и демонстрировал это с первого класса, а может быть, и раньше, до нашей с ним эры. Сам же он гова-

ривал: «Где заканчивается физика, там начинается философия».

Доктором философии его, тридцатидвухлетнего испытателя судьбы, наперекор всему зарегистрировал официально учёный совет Московского университета после блестящей защиты диссертации. Но была одна особенность и главная: Адам считал себя не просто философом, а астрофилософом. Как это? – спросите. Очень просто. Почему имеют право быть на свете астрофизики, астробиологи, космохимики, а астрофилософы – нет?! В нашу космическую эпоху философия не может ограничиваться одними лишь подлунными делами. Хвала Канту, Гегелю, Шопенгауэру, Ницше, но они по объективным причинам не могли вырваться из объятий земного притяжения, хотя и размышляли о природе света, значении солнца, движении созвездий... Древнегреческие философы первыми заговорили о Вселенной, о зарождении всего и вся, ввели в обиход понятие космоса, но у них Земля была центром мироздания. Какие тут разговоры!

Постепенно звезда Адама Киссина возшла на небосклоне и заблестала мерцающим светом на весь мир. Почему мерцающим? Да потому что где-то его признавали, а где-то по-прежнему увещевали: «Адам, спустись с небес на землю!»

После издания брошюры «Астрофилософия и время» на английском языке, его стали приглашать ведущие университеты мира на международные конференции, «круглые столы», просто с лекциями, но он никуда не ездил. Зато к нему зачастили мировые светила философии, астрономии, астро... – в сочетании с познаниями различных других направлений. Понятно, в наш век практически не осталось чистых наук. Бывало, зайдёшь к нему, а у него очередной гость. И вот сидят они и самозабвенно гутарят то на английском с одним, то на французском – с другим... Поставлю, бывало, чайник на плиту, посижу-послушаю, допью свой кофе и на цыпочках за дверь, пойду дальше по своим делам.

Нередко, однако, заставлял его одного, без гостей, без тётки по материнской линии, которая помогала ему по хозяйству. Семьи-то у него не было. Он никогда не женился и не женихался... Говорил, что философы должны быть всю жизнь один на один с самим собой и наукой. И в подтверждение своей житейской философии приводил в пример Гераклита, Платона, Декарта, Спинозу, Лейбница, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, этих столпов одиночества и уединения, которые никогда не имели ни жён, ни собственных семей.

– У них была одна и преданная любовь – Её Величество Философия! – И далее вспоминал Фридриха Ницше: – Женатый философ уместен в комедии.

– Ну, ну... – только и мычал я в ответ.

Спорить с ним, переубедить не имело смысла. На заре туманной юности пытался я знакомить его с приличными умными девушками, которые могли и разговор поддержать, и помочь технически в его научной работе, и по хозяйству тоже... И потом *это самое*, то есть любовь, по большому счёту ведь и для здоровья необходима. Но мои, вернее, наши, вместе с очаровательными созданиями, потуги разбивались, как морские волны о скалу.

– Любовь, – философствовал Адам, – это половой инстинкт, неудержимая и закамуфлированная тяга к продолжению рода. Влюблённый безумен, он не имеет себе равных по идеализации любимого существа, а между тем всё это «военная хитрость» природы, в руках которой влюблённый является слепым орудием, простой игрушкой. После рождения потомства иллюзия рассеивается, как дым, и индивид начинает озираться и очаровываться новыми кандидатами на соитие.

– Значит, любви в научном смысле слова нет?

– Она в полной мере существует в художественных произведениях, в поэзии... Люди же читают в большинстве своём любовные романы, а не научные трактаты. Да и вся культура – кино,

театр, песни, танцы – вся-вся построена на сладостном эфире художественного творчества и его безальтернативном восприятии. Как такому сонму красивой пропаганды не поддаться! Любовь – это животное влечение, завёрнутое в цветастый фантик, это широко распущенный павлиний хвост. Нет, я не против природы, влюбляйтесь, размножайтесь, но я против того, чтобы полая дружина сводила на нет значительную часть сил и мыслей молодых учёных, чтобы непрошеной гостьей она прерывала самые серьёзные занятия, тормозила науку. Не говорю уж, что любовь порой поощряет самые дурные дела, разрушает самые близкие отношения, разрывает самые прочные узы, требует себе в жертву целые состояния, здоровье и даже жизни.

– Откуда ты всего этого набрался? – недоумевал я. – Не на личном же опыте?

– Бог миловал! Но данная проблема, а любовь, – безусловно, проблема, препарирована в классической философии, которую народ не читает. Я бы сказал, в элементарной з е м н о й философии.

Иногда я и с женой к нему зааживал, которую он хорошо знал и очень любезно принимал. И тогда уж с его уст не слетали сентенции о безумствах основного инстинкта. Мы пробовали различные вина из его коллекционной кладовой, ужинали (Адам любил готовить немислимые блюда), играли в карты, и было весело, когда доктор наук удостоивался звания «дурака». Он как-то чрезвычайно серьёзно относился к игре и не на шутку переживал, проигрывая.

Его квартира представляла собой огромную библиотеку и камерную, но весьма ценную картинную галерею. Здесь были полотна Цорна, Серебряковой, Фешина, Бенькова, собственные художества. Да, он совсем недурно работал кистью и маслом. Здесь и мой небольшой портретик висел, где я молод, лохмат и демонстрирую улыбку Джека Лондона.

До игры в карты жену мою, преподавателя консерватории, Адам усажи-

вал за фортепьяно с бронзовыми подсвечниками и, опустив голову на грудь, погружался в состояние умиротворения и покоя. Слушать он умел. Потом благодарил и вспоминал, что при градации видов искусства все философы выше всего ставили поэзию, только Шопенгауэр пальму первенства отдавал музыке. И добавлял:

– С чем я тоже согласен.

Но сам ни на каких инструментах не играл и не пел, зато читал нараспев многие вещи Пушкина, Блока, Ахматовой, которые знал наизусть. Поэзия, живопись были его страстью и продолжением философской мысли. Музыка, впрочем, тоже.

Гостей Адам Ремович принимал в белоснежной сорочке, при галстукке, чувствовалась в нём белая кость потомственного аристократа. Так, при параде, и в карты играл, и на кухне ворожил над новыми кулинарными изобретениями, только рукава засучивал, и после нас, ещё и в строгом пиджаке, садился за письменный стол поработать. С книжных полок смотрели на него любимые философы, историки, писатели, несколько их бюстов замерло в раздумьях на столах и там же, на полках среди бесчисленных книг. Великие мужи точно своим согласным безмолвием поощряли потомка, продолжателя их жизни и дела.

Огни на втором этаже его дома гасли, наверное, последними на улице, а порой смешивались с лучами рассветного солнца. Однако нередко после трудов праведных, задолго до рассвета, пока не встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос, мой друг выходил на балкон, чтобы ещё раз убедиться, что нет ничего красивей океана звёздного неба. Зрачки его в те благостные минуты вдохновенно расширялись и принимали такие далёкие созвездия, которые и в наш с ним телескоп было не разглядеть.

Да, на день рождения, когда он ещё не был профессором, я подарил ему, близнецу по знаку зодиака, любительский, но мощный, немецкого производства телескоп, сказав:

– Вот будешь подтверждать свою астрофилософскую теорию практикой. Дом твой находится пусть и на городской, но всё равно возвышенности, до звёзд тут рукой подать.

Адам тогда сердечно поблагодарил меня, но позже заметил, что не обязательно видеть то, что не видно, но доказуемо теоретически. И добавил:

– Не обижайся, это я не о твоём замечательном подарке, а так... отвлечённо.

– Понимаю, – ответил я и спросил: – А телескоп в университетской обсерватории только для специалистов?

– Да, только для внутреннего пользования, но давай как-нибудь свожу тебя, глянешь, как кремнистый путь блеснит.

– И звезда с звездой говорит, – невесело пошутил я, вспомнив, как меня однажды без лишних слов выставили из астрономической башни, когда я был уже близок к заветному окуляру.

Ближе к двадцати четырём часам мы настроили на балконе свой новый инструмент для астрономических наблюдений. Майское небо было безоблачным, и наша праздничная ночь выдалась блещущей мириадами звёзд и освещаемой полной луной, как лампой в большом белом плафоне.

– Ну, дорогой Киссин, давай показывай, где твоя родная звезда. Или тётка?

– Родословная, – конкретизировал Адам и продолжал: – Созвездие Волосы Вероники не очень яркое на взгляд, но всё равно хорошо просматривается. – Он освободил окуляр телескопа для меня и стал объяснять: – Там шестьдесят четыре звезды и моя самая яркая. Она двойная, то есть, как и я, принадлежит к близнецам.

Созвездие больше походило на медузу с длинным хвостом, чем на Волосы – как её? – Вероники. Я смотрел, и все звёзды созвездия были для меня одинаково блёклыми. Он объяснял, я слушал, кажется, я понимал, кажется, разглядел, но вроде бы и не совсем.

Но всё равно праздник удался. Я переночевал у него (тогда ещё не был

женат), а утром мы вместе пошли в университет, но в разные корпуса. Я тоже читал лекции, но не был так популярен.

2

Лекции свои профессор Киссин начинал с цитаты какого-нибудь классика философии, соответствующей его собственным воззрениям. На тот раз с Шопенгауэра:

– Ценность и величие философии заключается в том, что она отвергает всякие допущения, которые нельзя доказать.

Аудитория на лекциях Адама Ремовича была всегда переполнена. Люди заполняли второй ярус, толпились в дверях... В партере же сидели полноправные слушатели – его студенты. Он хорошо знал их и нередко давал им слово, включая тем самым в процесс раскрытия темы. Но нити процесса из рук не выпускал:

– Эстетика Гегеля оказалась удивительно востребованной в разные периоды жизни человечества, в том числе и в наше время. Что стоит одна его фраза: «Какая-нибудь жалкая выдумка, пришедшая в голову человеку, выше любого создания природы». О чём это? А о том, что в художественном творчестве главное – фантазия, а само творчество – венец всей нашей действительности.

Он окинул взглядом своих студентов и в третьем ряду у окна увидел незнакомого слушателя. Вернее, слушательницу. Профессор продолжил лекцию, но через некоторое время опять взглянул на неё, поскольку не взглянуть было невозможно – осеннее, но удивительно яркое солнце вышло из-за тёмно-вишнёвой шторы, и копна её волос вспыхнула ярким костром. Девушка пыталась прикрыться ладошкой, но это было бесполезно. Профессор разрешил поправить занавесь. Она встала, дёрнула за вишнёвое крыло, и штора вместе с карнизом повалилась на неё.

Слава богу, девушка не пострадала, ребята героически полезли восстанов-

ливать конструкцию, и через десять минут штора заняла привычное место. Однако темп выступления был сбит, и он перешёл на вопросы и ответы, на непринуждённую и в то же время содержательную беседу, всё-таки студенты готовились, и среди них были довольно интересные его ученики.

Первым слово дал главному починщику аварии с гардиной Булатову. Тот спросил:

– Почему в классической философии так часто упоминается хаос?

– Потому что с хаоса всё начинается и хаосом заканчивается, – сказал Адам Ремович. Он возвышался над кафедрой, как верстовой столб, неподвижен, прям, ни один мускул не дрогнул на его лице из-за поломанной лекции. – Наша Вселенная, Галактика, Солнце, Земля – всё родилось из хаоса.

– Хаосом, значит, и закончится, – ответил с места, не вставая, Булатов.

– Верно, но хаос – предтеча новой жизни. Вспомним Ницше: «Нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду». Вы ещё не родили танцующую звезду?

– Ещё нет, но надеюсь.

После него другой студент, который любил слушать лекции, но не любил заниматься самостоятельно, спросил:

– В чём основная разница философии Гегеля и Канта?

– Да-а уж, дорогой Тётушкин, вы спросите, так спросите! – Профессор был со студентами на «вы». Казалось, если бы он читал лекцию в детском садике, то и к малышам обращался бы таким же образом. – Я понимаю, упрощения помогают в изучении наук. Но существуют же какие-то пределы. Кант и Гегель... Это две галактики, две Вселенные и так просто назвать различия их учения?.. Извините, но для этого потребовалась бы специальная лекция, а то и цикл лекций. Однако всё-таки, если взять одну из волнующих во все времена тем, то скажу: Гегель считал, что человечество без войн существовать не может. Кант же утверждал: людское племя на Земле эволюционирует в сто-

рону гуманизма, человечности взаимоотношений, где войнам не будет места. Один из его трактатов так и называется «К вечному миру». Почитайте, советую! Например, Толстой зачитывался Кантом. Писатель был уверен, что их воззрения совпадают. Лев Николаевич самолично собрал и издал максимы и афоризмы Иммануила Канта и говорил, что сама жизнь философа, казалось бы, не богатая на внешние события, производила на него сильнейшее впечатление. – И профессор повторил насчёт названного им трактата: – Советую, советую... Вернее, требую!

Наравне с другими тянула руку рыжая девица в тени поправленных гардин. Адам Ремович кивнул ей. Она не поняла, тогда он помог... Нет, конечно, не указав пальцем, а развёрнув в её сторону ладонь:

– Простите, не знаю вашего имени.

– Вероника Северская, – ответила та, убирая волосы с плеч за спину.

– Пожалуйста, ваш вопрос, – сказал профессор, и тут же какая-то непонятная волна накатила на солнечное сплетение, на секунду сбив его всегда ровное дыхание.

Красавица на этот раз не заставила себя ждать:

– Адам Ремович, расскажите, хотя бы кратко, о своей теории астрофилософии, а то вокруг неё ходят противоречивые суждения. Одни восторгаются, другие наоборот. В чём её суть?

Неведомого происхождения волна никоим образом не отразилась на внешности профессора, лишь заморгал чаще обычного. Он подумал: «Моя родная звезда на северном небосклоне в созвездии Волос Вероники опять агрессивна. Как только начинает свои термоядерные выбросы, так на меня сразу накатывает». Подумал и кратко ответил на вопрос:

– Это не предмет университетской программы. Если вас интересует, приходите на мои частные лекции в Доме искусств. А для начала приобретите мою книжку «Астрофилософия и время». Она небольшая и, по-моему, весь-

ма доходчивая, если не считать, что издана на английском.

– Где же её взять?

– В университетской или центральной городской библиотеке. В продаже, к сожалению, было её ничтожно мало.

Вечером я посетил друга и по совместительству профессора. Он во всех подробностях рассказал мне о событиях минувшего дня – и про гардину, и про вольноопределяющуюся в ряду его студентов, и про волну, ударившую его под дых. Я слушал, меняя в кабинете перегоревшие лампы на новые, принесённые с собой. В быту, в общении с домашней техникой и прочей современной утварью Адам был явно не профессор.

Я спросил:

– При чём тут твоя звезда в каком-то далёком созвездии? Пусть себе дышит огнём и извергается термоядерным газом на здоровье, мало ли подобных! Вон наше родное Солнце... И вспышки на ней, равные взрывам миллионов водородных бомб... И ничего!

– Как это в каком-то далёком созвездии?! Это в нашей Галактике. Это моё родное созвездие. И оно влияет...

– Да, в нашей, но всё-таки на северном её полюсе. Эта – всё забываю, как звать, – «Вероника» захватила товарища Киссина, самую красивую звезду на небесах, – пошутил я по-дружески, – и не отпускает её поближе к нам.

Однако шутки моей Адам не принял. Лишь поправил, задумавшись:

– Не «Вероника», а «Волосы Вероники», если быть точным.

Сказал и глубоко замолчал.

– Что с тобой? – через некоторое время спросил я.

– Понимаешь... – наконец откликнулся он. – Ту сегодняшнюю девицу вольноопределяющуюся Вероникой звать.

– Вон оно что!

– Вероникой Северской.

– С того самого северного полушария, значит. Да, совпадение! Может, у тебя из-за неё дыхание спёрло, а не из-за своего звёздного братца? Скажи,

твоя волна в груди совпала с моментом, как она назвала себя?

– Не помню, но всё равно совпадение неприятное. Чтобы какая-то девица была причастна к моей именной символической!.. Несуразная какая-то мистика!

– Адам, брось, а-а! ты, в конце концов, астрофилософ или астролог?

3

16

На лекции через неделю Вероника Северская сидела на том же месте у окна. К вольным слушателям другие профессора относились строже – или официально допускали, или безоговорочно выставляли прочь. Профессор Киссин привык, что на его лекциях всегда много посторонних, но они не имели привычки втискиваться в ряды штатных студентов, а эта... Тем не менее он не собирался устраивать разборки – каким образом она здесь, среди полноправных студентов, кто разрешил? Не в его правилах это было.

День выдался пасмурный, и проблем со шторой не было. Девица слушала, опустил голову так, что рыжая прядь закрывала пол-лица, и быстро-быстро что-то писала, будто и не слушала его вовсе. Раз за разом она поправляла непослушные волосы, убирала прядь за ухо, а та своевольно возвращалась на место. Наконец она подняла взор на лектора, а тот напротив – отвёл.

«Отводить взор – пусть будет и в дальнейшем самым большим моим недовольством», – вспомнил профессор слова одного из великих, говоря с кафедры совсем о другом. А недовольство кем? Собою, конечно, только самим собою.

После лекции его, как обычно, сопровождали по коридорам до самого выхода неугомонные студенты. Терпеливо ответив на вопросы, профессор вышел на свежий воздух.

Был тёплый сентябрь – бабье лето. Из-за облака выглянуло ласковое солнышко. Прямо перед ним стояла Вероника Северская.

– Ещё раз здравствуйте, Адам Ремович! – как-то даже весело произнесла она.

– Здравствуйте, – заторможено ответил он.

– Я Вероника Северская, помните? – представилась она, поправляя непослушные волосы.

– Да, память у меня хорошая.

– Я добыла вашу книжицу! – И она достала её из сумки.

– Что значит: добыли?

– То есть помимо библиотек, помимо книжных магазинов...

– Каким же это образом? – поинтересовался профессор.

– Нашла!

– Когда по грибы ходили?

– Неважно! А важно то, что она мне понравилась. – Северская взглянула, прищурившись, на выглянувшее солнышко. – Правда, читать её непросто. Но я давно для себя усвоила, некоторые непонятные вещи мне нравятся больше простых и понятных.

– Владаете английским? – В глазах профессора шевельнулись отсутствовавшие до этого живинки.

– Преподаю. – Вероника спрятала брошюру. – Мне её, к сожалению, ненадолго дали. – Она непроизвольно вздохнула. Кто-то с ней поздоровался. Она ответила. Опять её поприветствовали, и она предложила:

– Давайте отойдём, Адам Ремович, пройдемся, а то слова не дадут сказать.

Профессор согласился. Торопиться было некуда. Между лекцией в университете и письменным столом у себя в домашнем кабинете должен быть водораздел, чтобы свободно переключиться с одного на другое.

Пошли от университета в сторону его жилища, но на первой же поперечной улице свернули в направлении горьковского озера под университетской возвышенностью.

– Ваше сочинение не для широкого круга, конечно, – говорила Вероника уже на лавочке на краю большого озёрного бассейна с фонтаном посередине, прозрачной водой и блестящей солнечной

дорожкой, которую пересекали разнопёрные утки. Ни робости перед известным учёным, ни стеснения... Будто эти чувства вовсе отсутствовали в ней.

Оказавшись рядом, профессор наконец разглядел её. Глазами чисто любителя живописи и самодеятельного художника. Девушка оказалась довольно симпатична (различаете термины «красива» и «симпатична»?) Да, именно симпатична – длинная шея, густые, цвета красного дерева волосы, ниспадавшие волнами по спине, большие серо-голубые, чуть раскосые глаза, слегка вздёрнутый нос и веснушки по щекам, как россыпь звёзд по небу.

Она продолжала:

– В то же время заметно, что вы романтик и увлечённо зовёте в какую-то безбрежность. И всё это подано в полемике с какими-то незримыми оппонентами, которые, чувствуется, достали вас, и вы их не бьёте наотмашь, а терпеливо доказываете им своё видение проблемы. У нас ведь теперь Любомудры – это в большей степени историки и толкователи философии, чем собственно философы. Настоящие-то давно вымерли, как динозавры. Простите! – Она виновато подняла глаза на собеседника.

Профессор улыбнулся:

– Ничего, ничего...

– Естественно, у меня возникло много вопросов, которые взбудоражили моё сознание...

Киссин слушал новую знакомую и удивлялся, нет, не её логике восприятия трактата, а опять-таки завидной раскрепощённости, обращению к нему по-свойски, будто они с ней были старинными друзьями. Адам думал, что он в её возрасте был другим – чрезмерно стеснительным и даже в чём-то зажатым. Это всегда мешало ему. «Вот какие открытые есть на свете молодые люди, свободные, без комплексов!» Однако ему показались интересными и мысли её, и следовавшие за ними цепкие вопросы. Они были по делу и некоторые требовали развёрнутых ответов, что тут же, на лавочке, делать было не с руки.

Но на несколько он всё-таки ответил сразу и довольно исчерпывающе.

Мимо проходили гуляющей походкой люди, бросали на парочку любопытствующие взгляды, двое поздоровались, на этот раз с профессором, почтительно приподняв шляпы.

В конце беседы новая знакомая предельно удивила – предложила перевести трактат с английского языка на русский.

– Я знаю, вы заняты, готовите к изданию работу за работой. И вам некогда. А тут совершенно безвозмездное, ни к чему не обязывающее предложение. И вам хорошо, и мне польза.

– Какая? – поинтересовался профессор.

– Я постоянно должна быть в работе, в общении. А мне этого не хватает. Читать лекции студентам – этого мало.

– *Ok, I'll think about it.**

– *Thanks!***

– А где преподаёте?

– В нашем с вами университете, на факультете журналистики.

– Какое же отношение имеете к астрономии?

– Это моя любовь с детства.

4

Вечером я опять зашёл к другу.

– Как дела, старый? – поприветствовал его, перешагнув порог.

– Да нормально, – ответил он буднично. – Ничего особенного. – И через паузу: – Если не считать, что я познакомился с Вероникой.

– Той самой?..

– И мы даже прогулялись по бережку нашего озера.

– Прогрессируешь, парень!

– Да нет, не то, что ты подумал, – вяло отмахнулся профессор. – Состоялся чисто деловой разговор.

* – Хорошо, я подумаю.

** – Спасибо! (англ.)

– С этого и начинается... – усмехнулся я. – О чём же вы беседовали?

– О брошюрке «Астрофилософия и время». И знаешь, она удивила меня своим уровнем, своей подкованностью, так сказать.

– У тебя же кроме этого трактата сколько всего!

– Но я сам порекомендовал эту работу, поскольку она на предыдущей лекции задала вопрос об основах моей философии. И потом сегодня, представляешь себе, попросила разрешения перевести эти основы с моего английского...

– Сам не потрудился в своё время. Ну да ладно. Не тебе одному удивлять наш узкий круг, я тоже кое-что припас.

Адам оторвался от телевизора, который был настроен на его любимой программе «Вселенная», и вопрошающие искорки блеснули в его зоре.

Я не стал томить друга:

– По воле случая мне стало кое-что известно о твоей новой подруге.

– О Веронике?

– О ней самой.

Адам безразлично пожал плечами:

– Она не является ни моей подругой, ни ученицей. Не надо выдавать свои фантазийные представления за реальность.

Он поднялся с кресла, стал накрывать на стол.

– Северская преподаёт английский, – начал я, – у нас на факультете журналистики.

– Знаю, – ответил Адам, расставляя вилки-ложки на сероватого цвета, крупной выработки скатерти с нарядной, старинной вышивкой по краям и бахромой.

– И журналистика не случайна в её жизни, – сказал я и сделал интригующую паузу.

– И?..

– И она пишет! Строчит статьи, очерки и печатает их, кроме прочего, в научно-популярном журнале «Рефлектор».

– Интересно... – прошептал себе под нос Адам и уже в полный голос спросил: – Вина будешь?

– А что у нас сегодня?

– Хванчкара.

– Хорошо, но ты меня отвлекаешь, – разглядывая бутылку, сказал я задумчиво.

Несмотря на своё гостеприимство, сам Ремыч был человеком непьющим – так, нальёт и себе рюмочку или покроет дно фужера пурпуром или охрой напитка и будет тянуть весь вечер и восторгаться букетом – винным ароматом, по его словам, постоянно меняющимся на открытом воздухе. Знаток, ёлки-палки! Впрочем, большими знатоками винных дел являются как раз трезвые люди. Алкашам что – вкус, аромат нужен?

– Просвети, пожалуйста, – вернул я разговор к столбовой теме. – «Рефлектор...» – Название понятно – зеркальный телескоп, но это серьёзное издание?

– Да, столичное, даёт в доступной форме материалы о научных знаниях и людях науки. Замечу, журнал с подобным названием – «Телескоп» – выходил ещё в XIX веке, правда, он был литературный. – По его тону было понятно, что «Рефлектор» не очень интересен ему.

– Однако у него большой тираж, – заметил я. – У этого современного «Телескопа».

– Потому и большой, что он занимается популяризацией, а не собственно открытиями. Садись давай, я приготовил отменное жаркое, пальчики оближешь. – Он поставил на стол фарфоровую супницу и только приподнял крышку, как из-под неё хлынул на простор гостинной аппетитный всепобеждающий аромат.

– За что пьём? – поинтересовался я, взяв наполненный фужер. – За наши науки – мою историю и твою космофилософию!?

– Нет, – качнул Ремыч головой, – поднимем бокалы за мою тётю Полю, которая сегодня не смогла прийти.

– А что случилось?

– Упала вчера из-за низкого давления и ушиблась. – Ремыч часто-часто заморгал, как всегда, когда его охватывало волнение, и продолжил: – За её здоровье, без неё, сам понимаешь,

пришлось бы мне туго. Приготовить вот нечто вкусное просто и приятно, а ведь мясо, картошка, морковь и далее по списку не в холодильнике урождаются.

Я согласился. На время мы замолчали. Но хмельное, вкусное и сладкое не перебило моей генеральной мысли, с которой я завернул к другу. В нашей жизни был я для него не только электриком, сантехником, айтишником, но и советником. Философия философией, а жизнь земная не всегда течёт по законам физики и общественно-политическим правилам. Зная его как облупленного, я не раз помогал ему, погружённому с головой в неземные проблемы, в разных простецких для обыкновенного человека земных ситуациях.

– Мне кажется, что Северская кроме перевода твоей книжки, Адам, хочет написать о тебе что-то вроде очерка. Я видел два таких её материала о наших учёных. Хорошо, кстати, пишет.

– Но ты же знаешь, не люблю я. И не только из-за того, что всё перевернут, перековеркают, а вообще... Зачем мне это? О себе я и сам всё знаю, тщеславию не страдаю, науку это не двинет.

– Потому и говорю, Ремыч. В её предполагаемом замысле нет ничего предосудительного. Напротив, иные обрадовались бы, да и заплатили даже. Но Киссин ведь у нас из другого теста! – с этим восклицанием допил я содержимое фужера. – Впрочем, может, и ошибаюсь насчёт задумок молодой журналистки. Могла бы и сообщить открыто о своём намерении.

– Ты, дорогой, редко ошибаешься, – произнёс задумчиво Адам. – Но пойми, меня не интересуют её публикации в журналах. Прости. Я ценю твою заботу, но никаких интервью не собираюсь ни давать, ни рассказывать о себе.

– Потому она и решила, по-моему, потихонечку обойти твоё вето.

– Прости, – повторил он, намереваясь что-то сказать, но осёкся. – Хотя...

– Что «хотя»...

– Хотя завтра я с ней встречаюсь.

– Да? А может, у неё чисто гендерные планы? А я тут...

Он рассмеялся в ответ:

– При всём твоём равновесии мысли, заносит тебя порою, не знаю куда, в необузданную фантастику!

«А что тут фантастического?» – полез я в затылок.

5

Решили встретиться на противоположном берегу того же самого озера под университетской горкой в кафешке ресторанного типа, называемой весьма актуально – «Уточка». Оба посчитали, что это более удобное место для разговора, где не надо будет постоянно с кем-то здороваться. Для профессора выбор был хорош ещё тем, что туда он порой захаживал пообедать, а то и поужинать, когда дома ничего не было приготовлено. Иногда с ручкой, блокнотом или смартфоном он засиживался так, что его обеды превращались в ужины. Официанты знали профессора и его меню: зимой суп-лапша, летом окрошка, вечером неизменное пюре с котлеткой и так далее – коржик, чай, компот, изредка мороженое...

Ровно в 16:00, как договорились, профессор вошёл в уютный зал «Уточка» и устроился на «своём» месте, у окна с видом на водоём. Подошёл официант:

– Здравствуйте, Адам Ремович!

– Добрый день, Роберт!

– Что-то вы сегодня нарушили своё расписание – ни обед, ни ужин...

– Будем считать, что это полдник.

– Как всегда, вы один?

– Нет, – ответил профессор. – Нас будет сегодня двое.

Водную гладь поближе к берегам озера усеяли жёлтые листья, а в центре бил фонтан, и радуга играла на его брызгах. Профессор смотрел в окно, потягивал кофе, и душа его была необыкновенно спокойна и просторна.

В 16:20 в дверях появилась запыхавшаяся Северская, увидела профессора и, поправляя гнедую гриву, радостно поскокала к нему.

– Ой, Адам Ремович, опоздала, простите!

– Да ничего... – ответил профессор, вставая и помогая гостье снять курточку и разместиться за столом. – Я прямо отдохнул тут, глядя на озеро.

– Здесь красиво, и место вы хорошее выбрали! – Девушка вся светилась, будто не к профессору на деловой разговор пришла, а к жениху на свидание. – А я уже первую главу вашего трактата перевела! В переводе книга будет, безусловно, доступнее и студентам, и всем, кто интересуется глобальной философией. Жаль только, завтра вернуть надо. Ладно, в библиотеках поищу.

– А я вот принёс экземпляр. – Профессор достал из портфеля книжку в мягкой, светло-серой обложке и протянул собеседнице.

– Ой, не знаю, как и благодарить! – Она живо распахнула её... – И даже с дарственной надписью!

Заказали пирожное, мороженое, чай с лимоном... Она задала несколько вопросов по тексту первой главы, он ответил, и потом разговор вышел из берегов. Оказывается, Вероника ещё ребёнком приехала сюда из Самары с отцом, которого назначили в нашем городе директором нового крупного издательского комплекса. С 14 до 16 лет училась в Кембриджском региональном колледже. Вернулась, окончила наш университет, в аспирантуру не пошла, кандидатскую защитила «без отрыва от производства», то есть не сходя с преподавательской кафедры.

– Не замужем, – произнесла она в заключение своего неофициального резюме.

– Что так? – спросил без задней мысли профессор.

– А сами-то, Адам Ремович?! – задорно ответила вопросом на вопрос Вероника.

– Ну, я-то холостяк кастовый, – сдержанно произнёс профессор.

– Идеальный, стало быть.

Беседа их, как блуждающая звезда, давно сошла с намеченной траектории, виляла, меняла направления, тем не

менее, мысли Киссина вращались вокруг созвездия Волосы Вероники в северном полушарии и земной тёмки небесных светил – Вероники Северской. «К чему бы такое совпадение?» – думал философ и по памяти сравнивал графические изображения развешивающихся волос родного созвездия с ниспадавшими на плечи собеседницы густыми огненно-рыжими волнами.

Постепенно незримый вопросник оказался исключительно в руках Вероники:

– Адам Ремович, почему вы ведёте такой затворнический образ жизни?

Профессор вспомнил своего друга, который ещё накануне после ужина и нескольких картёжных партий, прощаясь, пошутил, что Северская снимет с него скальп для своего «Телескопа». И сам он накануне и предположить не мог, что будет назавтра покорно, без никакого внутреннего сопротивления отвечать на вопросы не аккредитованной по его душу журналистки.

– Ваш отец в Москве, а про вашу маму я что-то не знаю.

– Мама умерла, когда я был ещё подростком.

Вопросы сменялись с калейдоскопической непредсказуемостью.

– Вас пригласили на заседание Всемирного философского клуба, который состоится в Дели, если не ошибаюсь, в апреле будущего года?

– Да, я получил приглашение.

– Поедете?

– Ещё не решил, – уклончиво отвечал профессор.

Так они общались почти два часа. Потом он посадил новое своё созвездие в такси, а сам неспешным шагом пошёл от озера вверх, на университетскую гору домой.

Вечером она позвонила и сообщила, что добралась до дому благополучно. На следующий вечер вновь позвонила и сообщила, что у неё проблемы со второй главой:

– Всё-таки научный текст для перевода не так прост.

Разобраться толком по телефону не

получилось, и он посоветовал перейти к третьей главе:

– Она попроще, а со второй потом разберёмся.

6

Через два дня они опять встретились в кафе, Вероника опять опоздала. На сей раз на двадцать три минуты, на сей раз её огненные волосы были подняты с затылка и собраны вверху в «воронье гнездо». Она быстро шла между столиками, и на неё оглядывались.

Так же светило солнце, так же играла радуга всеми своими цветами на брызгах фонтана посреди озера, так же искренне и бурно извинялась она за опоздание.

Профессор успокаивал и для большей действенности вручил ей распечатку переведённой им второй главы трактата и флешку. Они вместе прошли по тексту, и переводчице всё непонятное стало понятно. Она так обрадовалась, что взяла и поцеловала профессора в губы.

От неожиданности доктор философских наук часто-часто заморгал, и та самая необъяснимая волна, которую он тогда, на лекции, принял за капризы своей звезды, вновь накатила на солнечное сплетение. До этого никто, кроме родной матери и тёти Поли, его не целовал, да и когда это было? – в годы отрочества.

На губах остались тепло и то ли влага, то ли помада молодой искусительницы. Вероника уголком белоснежного платочка повела по краешку его рта:

– Простите, испачкала немного.

Отчего тот ещё более смутился, достал из кармана пиджака свой платок... Потом раскрыл меню, стал листать.

Вероника, разглядывая глянцевые страницы своего экземпляра, предложила вдруг:

– Адам Ремович, давайте вина возьмём!

– Желание дамы – закон для... – начал было профессор, но под конец осёкся.

– ...кавалера, – завершила Северская.

– Порядочного мужчины, – поправил профессор, немного успокоившись после акта неожиданного прикосновения к нему особи женского биовида.

Роберт заказ быстро исполнил – не обед же, не ужин, жарить-парить не надо. По фужеру сухого вина, пирожное, мороженое – одним подносом...

Вероника решила произвести тост.

– Адам Ремович, за вами студенты стадами ходят, просто удивительно! Мне кажется, при желании вы могли бы заставить и звёзды вращаться вокруг себя.

– Э-э-э... – перебил её Киссин. – Давайте попроще – за наше здоровье и всё... А лучше будет и хрестоматийно:

**Поднимем стаканы,
содвинем их разом!
Да здравствуют музы,
да здравствует разум!**

Они содвинули, он пригубил, она тоже, заметив насчёт произнесённого:

– Пушкин.

– Вакхическая песня, – дополнил профессор и вдруг сказал:

– А знаете, мы с вами родственные души.

– Как это?

– Вас звать Вероника Северская, а моя звезда по имени Киссин находится в ваших владениях.

– Не поняла.

– Есть такая звезда Киссин.

– Я это уже слышала.

– И она находится в созвездии Волосы Вероники северного полушария.

– Поразительно! – воскликнула Вероника. – Тут и имя, и север – всё совпадает. И даже волосы! Я-то думаю, откуда у нас с вами такое неземное притяжение! – Она залилась звонким, счастливым смехом, который, казалось, и все её веснушки, весело запрыгав, поддержали. – Значит, объяснение простое: вы, дорогой товарищ Киссин, в полном моём владении. – Она взяла фужер с остатком вина и, поправив при-

чёску, спросила: – А откуда у созвездия такое странное название?

Профессор принялся обстоятельно рассказывать:

– Волосы Вероники были обособлены в отдельное созвездие в III веке до нашей эры древнегреческим астрономом и математиком, другом Архимеда Кононом Самосским, который под конец жизни перебрался в Александрию и ходил в жрецах у египетского царя Птолемея Эвергета. Его супруга Вероника (на латинице – *Berónika*) славилась необыкновенной красотой. Особенно прекрасны были её волосы. Правитель рядом с Вероникой чувствовал себя необыкновенно счастливым. Он не мог оторвать глаз от её волшебных прядей. Но недолго длилось супружеское счастье – Птолемею пришлось со своим войском пойти на войну.

Минули годы, а он всё не возвращался. Тогда Вероника отправилась в храм Афродиты и умоляла богиню даровать супругу своему победу и заверила за это принести в жертву свои прекрасные волосы.

Скоро пришла весть, что Птолемей победил и возвращается домой. В тот же день Вероника пришла в храм Афродиты, отрезала свои волосы и, как обещала, возложила их на жертвенник.

Когда Птолемей вернулся и увидел, что у его любимой нет её прекрасных волос, то удивлению его не было предела. Тогда Вероника рассказала ему, что принесла их в жертву ради его победы. Птолемей решил полюбоваться ими хотя бы в храме. Но они там таинственным образом исчезли. Случившееся разбило сердце правителю. Тут появился жрец Конон и сообщил ему, что божественные волосы его жены вознесены на небо Афродитой. Он сказал: «Взгляни на небо, мой господин, там, где сияет Арктур, подмигивает тебе небольшая россыпь звёздочек. Это и есть власы любимой твоей супруги».

Так по воле богов и при участии астронома Конона появилось на небе новое созвездие – Волосы Вероники.

– Красиво, – прошептала Вероника.

– Очень, – ответил профессор.

– А это точно, что есть такая звезда Киссин? Может, вы меня разыгрываете, в мифе-то о ней ничего не сказано.

– Точно, – ответил профессор. – Киссин – двойная звезда северного полушария в созвездии Волос вашего имени. В мифе её нет, а вот в астрономических справочниках отмечена.

Вероника зажурчала негромким, переливистым смехом.

– А давайте за наше звёздное родство!

– С удовольствием!

– Но в моём бокале всё испарилось, – улыбнулась Вероника. – Не рассчитала, что будет ещё очень важный тост.

– Какие проблемы?!

Джентльмен сделал для «родственной души» дополнительный заказ, у самого в бокале ещё не всё испарилось.

Вероника находилась в приподнятом расположении духа. Он тоже в хорошем. Такого необычного состояния профессор в своей жизни ещё не испытывал.

Сколько они просидели в тот день в «Уточке»? Счастливые часов не наблюдают!

Они вышли к озеру, было уже темно, к тому же небо заволокло непроницаемой хмарью, и созвездия Волос Вероники увидеть было невозможно. Она уехала на такси. Он на обратном пути зашёл в книжный магазин.

7

Вечером я навестил друга, и мы поделились своими новостями. У меня их особо не было, а вот Адам, у которого раньше, кроме научных и прочих заоблачных, особо не водилось, удивил меня своими земными приключениями.

Сначала он рассказал, как заглянул в книжный магазин, и к нему там подошёл лет сорока незнакомец, стриженный наголо, в тесноватой серой курточке. Он представился Ирдёном и сказал, что посетил его, Адама Ремовича, две

лекции в Доме искусств. Новый знакомый удивил профессора своим глубоким проникновением в тему астрофилософии, особенно в части вопросов космоса. Они разговорились, как два человека из одной научной команды.

Подойдя в магазине к разделу под названием «Галактика», Ирден достал с верхней полки толстенную книгу, на суперобложке которой значилось название «Созвездия Млечного Пути», полистал и спросил, не сможет ли он помочь ему приобрести это издание. «А то у меня нет денег», – признался новый знакомый. Мой друг, естественно, не отказал в просьбе, оплатил, и Ирден был очень доволен.

Адам обратил внимание, что у того странное имя, и тот ответил: да, у вас на Земле оно звучит необычно, а у него на планете это имя весьма распространённое. Адам удивился: «На какой такой вашей планете?» Пришелец охотно сообщил: «На планете Тассея в созвездии Волопас. Это, если отсюда смотреть, в северном полушарии по соседству с Волосами Вероники... Знаете?» Адам ответил: «Знаю, конечно!» И добавил: «Я сам оттуда, из вашей звёздной соседки – из Волос Вероники». – «О, какая удача! Значит, наш великий Арктур светит нам с вами почти одинаково. А когда вы, кстати, обратно?»

Адам сознался, что в разговоре с пришельцем полностью вошёл в роль: «Ещё дела земные держат меня тут, дорогой Ирден» – «А я скоро уже соберусь обратно, – ответил инопланетянин. – Может, вместе тронемся? У вас, глубоководный профессор, энергия для возврата ещё не истрачена? В случае чего, у меня хватит на двоих».

Доктор наук рассказывал мне весь этот бред без тени каких-либо сомнений. И впрямь, он принял этого сумасшедшего за инопланетянина.

– Единственно, что смутило меня, – признался Адам, – о планете Тассея я раньше ничего не слышал.

– Да сам же знаешь, в астрономии ещё столько неизвестного.

– Но всё же, но всё же... Надо будет более тщательно проанализировать созвездие Волопаса.

– И что потом? – спросил я его. – После магазина?..

– Потом мы вышли на улицу. И смотрю, пришелец мой заволновался. Он кивнул на двух детей, торчавших из-за кустарника на другой стороне улицы, и шепнул, прячась за меня: «Они охотятся за мной. Пойдёмте прямо до переулка. И я сверну, а вы – как ни в чём не бывало дальше...»

Так и сделали. Но те двое параллельным ходом по той стороне дороги двинулись за нами. На углу переулка Ирден прошептал: «До свидания, Адам Ремович, ещё увидимся» и бросился бежать переулком в сторону другой магистральной улицы. Следоки – за ним.

Я спросил:

– Адам, ты хоть знаешь, кто такие «следоки»? Это на криминальном языке – «следователи». А в вашем фантастическом случае – реальные санитары из дурдома.

– Ты что – считаешь его сумасшедшим?

– Как пить дать!

– Он же до нас в Чили побывал, в обсерватории Паранал, что на вершине высоченной горы пустыни Атакама. Мечта любого исследователя космоса! Ирден в мельчайших подробностях рассказал мне об особенностях этого уникального астрономического учреждения, которое, кстати, принадлежит Южноевропейской обсерватории, ответил на все мои вопросы. Как такое может быть, если он умалишённый?

– Я не говорю, лишённый ума, но бывают люди, вышедшие за пределы привычного человеческого разума. Те же Платон, Кант, Ван Гог, Циолковский... Не назовёшь же их вполне нормальными людьми! Среди мужей наук, искусств таких персонажей пруд пруди. И ещё... Скажи на милость, учёный, специалист своего дела или тот же астроном, не может сойти с ума? Знания-то остаются, только мозг сдвигается в сторону.

Ничего Адам не ответил, замолчал глубоко и угрюмо.

И я решил переключиться на другое:

– Слушай, а как ты сходил в «Уточку», на свидание с Вероникой?

Мой друг ожил:

– Но я не на свидание ходил, а на деловую встречу. Однако ты прав, это можно было бы назвать свиданием.

– Как это?

– Слишком душевной получилась встреча. Мы даже вино пили, скажу больше... – Адам замялся. – Мы с ней там целовались.

– Не может быть!

– Дело в том, что она не справилась с переводом второй главы брошюры, и я сам перевёл – что мне стоит! – и вручил ей за столиком. И на радостях она поцеловала меня прямо в губы.

– Вы напротив друг друга сидели?

– Конечно!

– Но между вами столик...

– Она обошла его. – Адам улыбнулся рассеянной улыбкой. – А после второго фужера она поцеловала меня ещё раз. Уже через столик. Вернее, тут я и сам помог – поднялся и ответно потянулся к ней, иначе не достать было меня.

– Получается, теория твоя об обязательной холостяцкой жизни настоящего философа трещит по швам!

– Почему? Я же не собираюсь жениться.

– Лиха беда начало! – понимающе закивал я, как человек больше практики, чем теории. – С этого всё и начинается.

Адам убеждённо возразил:

– У неё и друг есть. Перспективный, забивной хоккеист, атлет. Женщинам же для жизни нужны сильные, волевые мужчины, а не тьюфяки, пусть и образованные и даровитые. Ещё и в возрасте...

– Откуда знаешь, что атлет?

– Хоккеисты заморышами не бывают. Она, между прочим, пригласила меня на воскресный матч с челябинским «Трактором».

– И пойдёшь? В жизни ведь не был в Ледовом дворце. Сколько тебя звал!

Да уж!.. – Я покачал головой и замурлыкал вполголоса:

**Любовь нечаянно нагрянет,
Когда её совсем не ждёшь...**

В ответ он вспомнил слова Ницше:

– Философа узнают по тому, что он чурается славы, царей и женщин, но нет того, что последние не приходят к нему.

– Теперь вон оно как! – закивал я. – Это нечто новое в твоей космофилософии.

Когда я уже собирался домой, телефон Адама заиграл мелодию «Одинокого пастуха». Он взял трубку – это была Вероника. Она сообщила, что добралась до дома без приключений. Почему так долго? Заезжала к подруге. Голос её был хорошо слышан.

– К ночи небо прояснилось, – говорила она. – Пыталась отыскать свои волосы на небе, но так и не нашла.

– Это созвездие не очень яркое, – пояснил Адам. – Как-нибудь вместе отыщем.

– Спокойной ночи, Адам Ремович!

– Спокойной ночи, Вероника! – ответил мой друг и, уже обращаясь ко мне: – Я рассказал ей о созвездии Волосы Вероники.

– И о своей звезде тоже?

– Да, и о своей звезде тоже.

8

В воскресенье с утра, накупив в пекарне всякой всячины, Адам поехал в больницу с зарешёченными окнами навестить Ирдена. Откуда он узнал о местопребывании нового знакомого? В наш век то, что надо узнать, узнаётся моментально. Ничего не скрыть, не спрятать от всевидящего ока современного мира.

На подходе к лечебнице Адаму вспомнилась картину Ван Гога «Жёлтый дом». И правда, современное разновысотное здание, представшее перед ним, походило на акварель художника не только цветом.

Проблем со свиданием не возникло, им разрешили погулять по огороженному высоким забором саду. Пройдясь немного, они устроились на скамейке под ветвистым дубом. Пахло осенью, кружились неприкаянно жёлтые листья, ими были усыпаны дорожки и тропинки, по которым бродили одиноко и печально люди в серых пижамах с белыми воротничками, таких же, как и на Ирдене. Было необыкновенно тепло и солнечно.

Адам спросил:

– Сколько человек в палате?

– Четверо, – ответил Ирден. – Один Есенин, два Наполеона и я, инопланетянин.

– Мирно живёте?

– Нормально. Здесь все погружены исключительно в себя. Что интересно, при общении никто друг друга по настоящим именам не называет. К Наполеону, что потолще, обращаются «ваше величество», к другому – «месье», к Есенину – просто Сергей, а ко мне по-разному – то «пришелец», то «инопланетянин», а Есенин, как всегда, оригинален – зовёт меня «залётным». В действительности же никакой я не пришелец, я посланник со специальной миссией.

– Какой миссией?

Ирден замялся:

– Мне запрещено даже заикаться на эту тему. Но вам, Адам Ремович, скажу. – И он зашептал: – Определить человеческую сущность на планете Земля, его нормы и ценности и готовы ли вы встретить представителей другой цивилизации.

– Вон оно что! – тихо промолвил Адам. – И получается?

– Да, познаю, как видите... – ответил Ирден без тени недовольства сложившимися обстоятельствами. Понятно, ему как исследователю надо было познать человечество во всех его проявлениях.

Я поинтересовался, какой же диагноз поставили ему врачи. Ирден в ответ пожал одним плечом:

– Не говорят. Всё вокруг да около... Устал, якобы переутомился на слиш-

ком динамичном жизненном пути. Вам надо, мол, притормозить, успокоиться и пообещали помочь в этом. А Есенин сказал по секрету, что поставили мне «смещённое сознание».

– Как же вас вызволить?

– Не волнуйтесь, Адам Ремович, придёт время, и я выберусь отсюда без посторонней помощи. Отдохну вот немного...

В тишине сада только листья шуршали под ногами гулявших «знаменитостей». Ирден прервал молчание:

– В соседней палате вчера умер Рамзес II Великий.

– Старый был?

– Не очень.

Адам вздохнул:

– У всего есть своё начало, у всего есть свой конец.

– А у нас смертность окончательно побеждена, – заметил Ирден.

– И теперь будете жить вечно?

– Нет, должна быть сменяемость поколений, необходимо постоянное обновление. А бессмертие мы подарили нескольким подопытным животным.

– Можно было обессмертить своих великих деятелей.

– Это нечестно. Даже звёзды, даже галактики имеют свой срок... Вон *Milky Way and Andromeda's nebula** стремительно сближаются, и что произойдёт, когда они столкнутся?

– Но это через три-четыре миллиарда лет.

– Что такое миллиарды лет для Вселенной?!

Они ещё поговорили немного, и Посланника пригласили на процедуру.

– Это не вредно для вас? – спросил Адам, прощаясь.

– Не волнуйтесь, – ответил он невозмутимо. – Я защищён.

Адам рассказывал потом, что вышел оттуда с тяжёлым чувством на сердце, будто заглянул в потусторонний мир.

* Млечный Путь и Туманность Андромеды (англ.)

* * *

26

Посещение клиники было утром воскресенья. Днём же профессор успел плодотворно поработать за своим письменным столом, что обыкновенно улучшало его настроение, а после полдника поехал на хоккей. Машины у него не было, и новоиспечённый болельщик воспользовался трамваем. Он редко катался на городском транспорте, чаще – на такси, но трамвай любил – устраивался по возможности у окна и наблюдал: вот Кремль возвышается над рекою, вот театр, куда ходил с мамой, а эта высотка выросла на месте одноэтажного деревянного особняка с четырьмя белыми колоннами – надо же, такое чудо зодчества снести!

С Вероникой встретились у Ледового дворца. На этот раз высокая причёска отсутствовала, пожар её волос был заплетён в тугую косу и перекинут через плечо на грудь.

Народ валил к центральному входу валом. Она искусно лавировала в толпе, он за ней, коса её вернулась на спину и служила хорошим ориентиром в гонке за лидером. В фойе болельщики несколько успокоились, остепенились, господина профессора начали узнавать.

– Здравствуйте, Адам Ремович!

– Адам Ремович, здравствуйте!

– Добрый вечер, Адам Ремович, не знали, что вы увлекаетесь хоккеем!

Профессор не успевал отвечать на приветствия. Вероника смеялась:

– И тут не дают вам покоя ваши студенты!

– Что ж, понятно, хоккей – не лекции по философии, – шутил профессор. – Вот и прогульщика одного встретил.

Хоккей Киссин смотрел с болельщицкой трибуны впервые. Порой, конечно, бросал взгляд на матчи дома по телевизору, но так, чтобы специально, чтобы в Ледовом дворце...

– Действительно, – отвечал он на вопросительный взгляд Вероники, – масштаб, блеск, музыка вперемежку с

рёвом трибун впечатляют. – Но везде и всюду он старался вникнуть в суть происходящего. И тут тоже стал внимательно следить за игрой.

Профессор быстро овладел логикой событий на льду. В команде хозяев он сразу отметил действия нападающего с надписью на спине «Дворов» и номером четырнадцать. Оказалось, это и был дружок Вероники.

При равной, в общем-то, игре Дворов забил под конец третьего периода победную шайбу, и хозяева одержали верх со счётом 4:3. Сколько раз, по-вашему, самая страстная болельщица Ледовой арены целовала профессора? Правильно, четыре раза. И особенно жарко – в честь заключительной шайбы.

На сей раз никакие волны не подкатывали к солнечному сплетению профессора. Его уже не удивляли, а точнее сказать, даже нравились её свобода и непринуждённость в действиях, естественность в том, что для других могло быть истолковано как развязность и неприличие. Полёт её жизни был вдохновенен и неподвластен каким-то надуманным моральям и правилам, он был, как солнечный ветер, неудержим.

С финальной сиреной профессор и кандидат наук вместе со всей публикой, вернее, со всеми болельщиками вскинулись с мест, заплодировали, кто запел, кто в две жилы задудел в свои дуделки, забарабанил в барабаны. Преодолевая шум, Адам сказал:

– Ваш кавалер настоящий мастер, я уважаю профессионалов в любом деле.

– Да не кавалер мне Костик Дворовов все, а просто приятель хороший.

Она предложила дожидаться после матча его и вместе сходить куда-нибудь поужинать. Адам извинился – дома его ждёт срочная работа – и уехал на набитом болельщиками трамвае. Без удобного места у окна, без видов на вечерний город, которыми намечал насладиться. Вероника осталась.

Через несколько дней она позвонила и сообщила, что у неё не получается четвёртая глава.

– Хорошо, – ответил он, – сделаю, приступайте к пятой.

Так, в скором времени в её и его переводе рукопись трактата «Астрофилософия и время» была к изданию готова. Адам внимательно перечитал совместный труд, внёс правку и отдал Веронике. Через две недели книга в самом прекрасном виде, на двух языках, в твёрдом красочном переплёте, с цветными иллюстрациями увидела свет в издательстве Северского-старшего.

В выходных данных книги значились автор, редактор, корректоры, художник и переводчик – Вероника Северская.

Чтобы и его записывали в толмачи, Адам отказался.

Отметили событие в той же «Уточке». До этого профессор с Вероникой на склоне дня зашли в издательство за авторскими экземплярами, повидали и директора.

Северский принял их более чем радушно. Попили чай с печеньем, поговорили. Адам от души поблагодарил его за благотворительность и качественный выпуск «книжицы» немалым тиражом. В ответ тот сказал, что рад был возможности издать такую замечательную научно-популярную книгу, и заметил:

– Впрочем, если честно, она не совсем простая. Чтобы прочесть и понять её смыслы, пришлось вот с главным редактором полазить по словарям и Интернету.

Покинули типографский комплекс, когда ноябрьский вечер резко задёрнул окна своими непроницаемыми шторами.

Но «Уточка» была недалеко.

Роберт уже заждался своих заказчиков:

– Милости просим! А я уж стал беспокоиться.

– Задержались в издательстве – объяснил Адам. – Вот книгу с Вероникой

выпустили! – И он достал из портфеля экземпляр...

– Подпишите, Адам Ремович! – листая и разглядывая картинки, взмолился Роберт.

– Пожалуйста! – ответил Адам. – Вы, дорогой Роберт, будете вторым после директора издательства обладателем автографа Вероники Северской и моим в том числе.

Вероника достала ручку, и они с Ремычем стали рядиться, кому из них начертать пожелание. Как всегда, дама взяла верх, и профессор долго придумывал приветствие. Но подпись поставить первой он предоставил ей.

Сидели при свечах, организованных Робертом по случаю знаменательного события, и умудрялись разглядывать иллюстрации своей новорождённой книги.

Разноцветные огоньки свечей плясали на гранях хрустальных фужеров и играли в пузырях шампанского. Никогда Адам не ощущал себя обратной стороной своего существа – таким раскованным, поставившим под угрозу нить выработанных годами принципов и устоев и не чувствовавшим ничего особенного, напротив, бесшабашность и какая-то особая лёгкость сердца радовали его.

Свечи на сквозняке ярко вспыхивали, освещая их счастливые лица дополнительным светом, и он читал наизусть то, что волновало его до глубины души и не отражалось на поверхности повседневной жизни:

**О, мчаться под парусом в море!
Покинуть эту косную, нудную землю,
Эту тошную одинаковость улиц,
панелей, домов,
Покинуть тебя, о земля, заскорузлая,
твёрдая, и взойти на корабль,
И мчаться, и мчаться, и мчаться
под парусом вдаль!**

– Кто это? – поинтересовалась Вероника.

– Это мой коллега, философ Уолт Уитмен.

**О, понять, как безмерно пространство,
Множественность
и безграничность миров!
Появиться на свет и побыть заодно
с солнцем, с луною,
с летящими тучами!**

В дальнем конце помещения играла музыка, и пары танцевали.

– Пойдёмте, Адам Ремович, потанцуем! – воскликнула Вероника и потянула его за руку. – Солнце солнцем, луна луною, а у нас тут под крышей ограниченное пространство, и оно нашёптывает...

– Но я ни разу в жизни не танцевал!

– Один философ говорил мне, что всё имеет своё начало...

Спротивляться было бесполезно.

– Откуда в человеке столько энергии? – удивлялся профессор.

– Во мне, как в сверхновых звёздах, идут термоядерные процессы – смеялась она, встряхивая огненной фатой волос.

– Но сверхновые звёзды разрушают всё вокруг себя.

– А вы прижмите новую звёздочку к себе покрепче, и мы устоим, не разрушимся.

Длинный, прямой, как верста коломенская, прекрасно выглядевший за университетской кафедрой, здесь, среди танцующих парочек, профессор был явно не в своей тарелке. Он стеснялся своего роста, своей неуклюжести, переминался с ноги на ногу, задевал окружающих, но талия, которую он обнимал одной рукой, но прижавшаяся к нему девичья грудь и порывистое, чистое дыхание лишали его чувства места, времени и всяческих гравитаций. Он парил в каком-то волшебном полусне. Спроси профессора в ту минуту: «Сколько будет дважды два?» И он ответил бы: «Пять».

Больше не танцевали, профессор отдал ей все ноги в красивых сапожках на высоком каблуке, который (речь о каблуке) не помог ей в погоне за его ростом. Они и без танцев постоянно прикасались друг к другу – то рука её

миниатюрная ложилась на его длиннопалую длань, то соединялись они в поцелуях после значимых размышлений и спонтанных тостов...

В тот вечер Адам с Вероникой говорили о чём угодно – о необходимости презентации нового издания «Астрофилософии», о специфике научного и художественного перевода, о своих пылких мечтах детства, только не об отношениях, сложившихся у них друг с другом. Любовь, дружба, мораль, семья – этих понятий будто не существовало в принципе.

Однако влюблённость в тот момент светилась в их обнажённых взорах более чем очевидно. И Адам, серьёзный человек, профессор, позволял себе шутить:

– Сколько веснушек на твоих щеках, что-то не могу сосчитать? – Он не заметил, как перешёл на «ты». Аксиома: влюблённые на «вы» не разговаривают. Пardon, Вероника-то продолжала «выкать».

Она залилась своим переливчатым смехом и сказала:

– Ровно шестьдесят четыре. Ровно столько, сколько звёзд в моём созвездии.

Они были по-хорошему раскрепощены. Только ещё об одном, кроме любви, помалкивал Адам – об Ирдене. Почему хранил тайну общения с инопланетянином, пришельцем, посланником, и сам не знал. Хотя тот в общении с землянами своего происхождения не скрывал, за что и был, как известно, помещён в лечебницу для больных с психическим расстройством.

Впрочем, запретных исключений в «раскрепощённом» разговоре при свечах оказалось больше. Например, ни разу Адам не упомянул журнал «Рефлектор», а ведь неделю назад специально пошёл в университетскую библиотеку и взял два названных мной номера. Очерки Северской в солидном издании ему понравились. Знание предмета, умение раскрыть образ героя, доходчивый сочный язык делали тексты убедительными и, как говорят журна-

листы, читабельными. Хотя писать об учёных не так просто, она с нелёгкой задачей справилась. Портреты её героев – физика малых частиц и академик биохимии, которых Ремыч хорошо знал, – получились яркими, и никаких ляпов, никаких оплошностей он не заметил. Почему же не заговорил об этих её публикациях тогда при свечах и в другие дни, непонятно. У него на это были, видать, какие-то свои причины. Тут, наверное, сработали и мои рассказы-предположения о тайных намерениях журналистки писать о нём. Но она ведь о них тоже умалчивала, вот и мой друг чужие тайны не нарушал, пускай они и его персоны касались.

Свечи догорали, и Роберт аккуратно менял их, подливал, мельтешил вокруг.

Нечасто так бывает, когда люди из разных созвездий, из разных водоёмов времени беспрепятственно находят общий язык, понимают друг друга с полуслова, и разговоры их тихие льются и льются, и нет им предела.

Неправильно высказался, они у меня всё-таки одного созвездия. Помните же?!

Ноябрьская ночь после тёплого застолья встретила их бодрящей прохладой и яркими, как по заказу, звёздами. Они стали вглядываться в созвездия, и Вероника спросила:

– Где же созвездие имени моих волос?

Он стал объяснять:

– Гляди, вон ярчайшая звезда Арктур. И левее, совсем рядом, твоё созвездие.

– Не найду.

– Оно не очень яркое. Да, трудно различить. У меня вот дома есть полупрофессиональный телескоп, и он, как на ладони, поднёс бы тебе его.

– А пойдёмте посмотрим, – заговорила предложила Вероника. – Вы же рядом живёте.

– Прекрасная идея! – согласился Адам. – Какие разговоры!

Они обогнули озеро и поднялись на гору к университетской улице, где жил профессор.

Поравнявшись с домом, Вероника произнесла задумчиво:

– Ваш особняк, наверное, один из самых старых на этой улице?

– Да, один из... Но не самый... – ответил Адам. – И потом я не приемлю определение «старый». Старинный – другое дело.

Поднялись по широкой парадной лестнице, вошли, разделись, прошли...

Вероника вертела головой, и всё ей нравилось и даже восхищало. Такое же вот чувство она испытала много лет назад, когда ещё маленькой девочкой с мамой и папой взошла по блестящему лестничному маршу на площадку вестибюля Эрмитажа и шагнула в зал, охраняемый древнегреческими богами и богинями. Любое сравнение хромает, это – безусловно, но тут речь не о сопоставлении двух объектов недвижимости, а о том далёком чувстве, неожиданно возродившемся здесь, на почти родной улице, в этом на вид совсем не выдающемся доме, мимо которого она проходила раньше мильон раз.

Чувства в её груди зашкалили, когда на пути к балкону с телескопом они стали проходить через зал, увешанный живописными полотнами.

– Ой, это же настоящая картинная галерея! – воскликнула она, скрестив руки на груди. – Откуда такое богатство? Вы ещё и коллекционер?

– В какой-то мере... – пожал плечами Адам.

По ходу медленного продвижения Вероника останавливалась у каждой картины, будто отдавая дань почтения своему уважаемому знакомому или далее незнакомцу, но того же таланта. Она подолгу разглядывала портреты, пейзажи, жанровые сценки... При этом клонила голову то в одну, то в другую сторону, точно хотела заглянуть подалее первого живописного плана.

– Фешина вот узнала, Серебрякову, естественно, тоже. А это кто?

– Это шведский живописец и скульптор Андерс Цорн, великолепный мастер

конца XIX – начала XX века. Что-то между реализмом и импрессионизмом. Эти его водные просторы! В них просто окутаться охота. На волнах лодочки качаются с гребцами, на причале дамочки в шляпках под белыми зонтиками. – Адам шагнул к противоположной стене. – Вот как на этой картине.

– Просто прелесть! – не уставала восхищаться гостя.

– У нас ведь любители живописи, кроме Леонардо да Винчи с его «Моной Лизой», Репина с «Бурлаками», Сурикова, Ренуара, Мане, Моне и ещё пары десятков художников и знать больше никого не знают.

– Да и в литературе так же, – согласилась Вероника, – и в музыке тоже...

– Вот-вот, а искусство во всеобъемлющем своём понимании неохватно, как Вселенная, и там столько звёзд и созвездий остаются не раскрытыми! У нас один местный художник пользуется этим. Достает из кажущегося небытия малоизвестный шедевр и списывает копии, изменив чуть содержание, чтобы в случае чего оправдаться от обвинения в плагиате.

Вероника и разглядывала, и слушала... И Адам в душе удивлялся всеядности её интересов. Не раз бывал он свидетелем, когда посетители его дома проходили всю галерею, и взгляда не бросив на картины, будто это были узоры на обоях. Равнодушие к его коллекции живописи не задевало, у каждого свои приоритеты, кто-то обожает музыку, кто-то литературу... Но, с другой стороны, думал он, без живописи не может быть полноценного восприятия мира искусства. Как можно любить живописание (художественную литературу) и быть равнодушным к живописи?!

– А это кто? – остановилась гостя у следующего полотна небольшого формата.

– Это портрет моего друга Марата, историка и тоже по-своему философа.

– Кисти Делакруа?

Адам принял шутку, усмехнулся:

– Это моя работа.

– Вы ещё и живописец?

– Да нет, так, балуюсь...

– Просто фантастика! Вы всё больше и больше поражаете меня, Адам Ремович!

– Кстати, мой товарищ, что на картинке, тоже наш, университетский коллега.

– Я-то думаю: где его видела?

– Как-нибудь познакомлю. Интересный человек, с нестандартным образом мышления. Мы с ним с первого класса дружим.

Вышли на балкон. Их встретила ясная, с лёгким морозцем ноябрьская ночь. Необъятный хоровод звёзд в небе, будто только и ждал их – поплясывал, перемигивался, и высокий месяц будто руководил хороводом.

Адам расчехлил телескоп...

– Прошу к астрономической трубе! – произнёс он торжественно и приготовился к долгим объяснениям, но Вероника, в отличие от его друга, без труда нашла своё созвездие.

– Но это мало похоже на волосы!.. – прошептала она разочарованно.

– Все названия созвездий условны, – стал объяснять профессор. – На древнегреческих гравюрах они выглядят, конечно, красиво, а вот в действительности, без помощи художественных образов звёзды то рассыпаются, то разгуливают своевольно и нарушают очертания рисунков. Действительно, вместо Гончих Псов можно было нарисовать тигров, а Деву поменять на... – Адам не договорил, вспомнив своего друга: – Марат мой вообще сказал, что звёздная связка Волос Вероники больше похожа на плывущую медузу.

– В его словах есть доля правды, – признала Вероника, возвращаясь к «трубе», чтобы найти звезду имени своего наставника. По его наущению она усердно всматривалась в найденное минуту назад созвездие и, наконец, вскрикнула торжественно: – Вот она родная! Я нащупала её.

Сверили параметры – точно, это была та самая, искомая – звезда Адама Киссина.

Адам пояснил:

– Она двойная. Их две, и они кружат друг с дружкой в танце.

– Как мы с вами сегодня.

– Ну уж, скажешь!

– А видится, как одна одинокая, – сказала Вероника, не отрываясь от окуляра телескопа.

Потом она стала любоваться поверхностью Луны, её ландшафтом, кратерами, не переставая изумляться:

– Не думала, что какая-то любительская труба для начинающих астрономов так приближает небесные светила. Ведь на Луне вот прямо всё до мельчайших подробностей можно рассмотреть!

– Ну уж, не совсем любительская, – возражал профессор. – Она рефлекторная, то есть с оптическими зеркалами, которые позволяют заглянуть и в дальний космос.

11

Было уже поздно, но энергия общения этих, казалось бы на первый взгляд, таких разных людей, не иссякала. Адам предложил попить чаю. Вероника предложила слегка отметить её очное знакомство со своим созвездием и его звездой. Адам достал из запасника бутылочку красного вина.

– Киндзмараули?! – одобрительно щёлкнула пальчиками Вероника. – Это достойно наших галактических открытий! – Она взяла бутылку и пробежала глазами по контрэтикетке. – Настоящее! Из винограда сорта саперави.

– Можно употреблять? – пошутил Адам.

– Необходимо! – ответила она.

Понемножку выпили, закусили шо-

коладом, запили чаем с ароматом бергамота и булочками с изюмом и маком.

Время – вещь относительная. Порой оно летит неудержимо и не притормозить, порой тянется, как резина, а порой исчезает, будто его нет вовсе, оставляя только пространство и собеседника напротив.

– Адам Ремович, а вы когда-нибудь видели НЛО? – продолжила космическую тему Вероника. – Не по телевизору, а так, вживую?

Адам глотнул чаю, поставил чашку на тарелочку, задумался, как в воду погружился.

После затянувшейся паузы произнёс:

– Нет, не видел. Но я общался с инопланетянином.

– С настоящим?

– Совершенно.

– Откуда он взялся?

– С созвездия Волопас, что в переводе с греческого «пахарь, земледелец». Оказывается, пришелец бывал на моих лекциях в Доме искусств, а потом мы встретились в книжном магазине. Так интересно поговорили!

«Ну и что, – подумал Адам, – что я рассказываю об Ирдене! Никакой опасности для него я тут, в нашей беседе, не чувствую». «Несколько часов назад чувствовал, а теперь – нет?», – возразил ему внутренний голос. «А какая может исходить опасность от милой Вероники?!»

– Главное в пришельцах ведь – гуманисты они или агрессоры, – сказал Адам.

– Этот как раз гуманистом был, как я понимаю, раз вы мило поговорили...

– Гуманист, интеллектуал. Заехал к нам после посещения Южно-европейской обсерватории в чилийской пустыне Атакама. И что интересно, он рассказал, что там принимают гостей, дают время пользоваться их инструментарием. За определённую плату, конечно, и в сопровождении их сотрудника, который объясняет, помогает... Вот бы слетать туда! Телескопы у них, наверное, сильнее моего.

– Наверное уж! – улыбнулась Вероника.

Дослушав рассказ до паузы, она развила тему:

– Мы много говорим о внеземных цивилизациях. Но ведь если они в полной мере обнаружатся, то всю вашу философию надо будет перекраивать.

– Почему это? – удивился Адам. – Я никогда не исключал разумную жизнь за пределами Земли. Наоборот, говорил: по законам логики не может быть такого, что мы одиноки в мироздании со всеми его галактиками, вселенными, со всей его бесконечностью. Ты можешь представить себе бесконечность?

– Нет, не могу, – ответила Вероника и спросила: – Адам Ремович, а где сейчас ваш инопланетянин?

– В сумасшедшем доме.

– Как это? – поперхнулась гостья.

– Обыкновенно, – резюмировал профессор. – Иначе и быть не может. Вообразите, человек объявляет себя посланником планеты Тассея созвездия Волопас?..

– Это, по крайней мере, может показаться странным... Если не подозрительным.

– Вот именно, – вздохнул Адам. – В палате там, кроме него, два Наполеона и один Сергей Есенин.

– С ума сойти! – всплеснула руками Вероника. – И что же дальше?

– Он успокоил меня, сказал: «Не волнуйтесь, профессор, всё будет нормально, земляне не в первый раз принимают меня за чокнутого».

Вероника взглянула на часы:

– Ой, время-то у нас уже за полночь! Заговорились мы с вами, Адам Ремович. Надо такси вызвать.

– Куда уж теперь в первом часу ночи?! – И Адам предложил ей остаться. – У меня частенько гости ночуют, даже зарубежные, хотя у них и отели оплачены. Заговоришься так, а за окном уже светает. Постелю тебе в гостевой комнате, там тишь да благодать. Спокойно выспишься.

Гостевая Веронике понравилась.

– Хорошо, – сказала она. – И правда, куда теперь за тридевять земель мчаться! Только маме позвоню.

Засыпая, подумала: «Всё-таки не сам же он сумасшедший».

Среди ночи Адам проснулся от непонятного шума в гостевой. Вскочил, натянул штаны, зашлёпал босыми ногами по освещённому коридору. Почивально заливал равномерный лунный свет. Оказалось, что во сне Вероника смахнула с табуретки в изголовье постели стакан с водой, который закатился куда-то под кровать. Адам подумал: «Энергия в ней круглосуточно кипит».

Но сон гостя был мирен и тих, веснушки её не стеснялись лунного взгляда, волосы разметались по подушке, слюнка блестела на краешке рта. Адам поправил было локон, как вдруг она открыла глаза.

– Адам Ремович, вы мне снитесь?

– Да, родная, – прошептал он, – спи, до рассвета ещё далеко. – Перешагнул лужицу у табуретки, подошёл на цыпочках к окну, задёрнул забытую штору и двинулся потихоньку на свет приоткрытой двери.

12

Утром Адам по обыкновению выбрался на балкон, огляделся – небо было ясное, светило солнце, на углу магазина с букетиком синеглазых цветов сидела старушка. Люди сновали мимо неё туда-сюда, никому цветы не нужны были.

Адам поднял лицо к утреннему небу, грудь его приняла порцию ядрёного ноябрьского воздуха – впереди был новый день, новые задачи и новые подходы к ним.

Утром Вероника проснулась и не поняла сначала, где находится. Но телефонный звонок быстро вернул её к реальности. Это была мама, она волновалась, всё ли у дочери хорошо. Вероника успокаивала её и разглядывала букетик

синеглазых цветов в хрустальной вазе на табурете у изголовья постели.

Пили чай за тем же большим столом, покрытым старинной скатертью с бахромой, в зале с картинами на стенах, с большим глобусом рядом на высокой тумбе. Посреди стола красовались вазильки в хрустальной вазе.

– Откуда они среди ноября? – удивлялась Вероника.

– Места знать надо, – усмехался Адам.

– Нет, серьёзно?

– Это же декоративные, не полевые. Растут в тепле под крышей, – говорил он и думал: «И в самом деле, откуда у старушки вазильки поздней осенью, неужто сама выращивает? Не догадался спросить, голова садовая».

Веронике в этой квартире по-прежнему всё было интересно, и она продолжала любопытствовать.

– А на пианино играете? – кивнула на старинное фортепьяно с бронзовыми подсвечниками.

– Нет, отец играл и дед до него. – Адам обернулся к инструменту, провёл ладонью по его крышке, будто погладил. – А теперь супруга моего друга музицирует. Она профессиональная пианистка. Как коснётся клавиш, так себя забываю – кто я, где я, сколько мне лет и будто мама рядом, она ведь хорошо пела.

Гостья внимательно слушала. Умение слушать – большое достоинство человека. Адам ценил это качество. Слушать, слышать, значит, проявлять интерес к сказанному, к теме, к самому собеседнику и его личности. Можно с чем-то не соглашаться, но не обязательно перебивать, можно просто принимать услышанное как информацию, как новое знание, если, конечно, это достойно того. В данный момент не о пианино речь, а вообще – об общении молодой переводчицы, соучастницы научной книги с её автором, доктором наук, учёным, признанным далеко за пределами страны. Разговор их порой скакал с одного на другое, менял

направления, перемешивал высокое с обыденным, но, тем не менее, оставался на одной океанской волне.

В свою очередь и Адам умел слушать, вникать в услышанное и проникаться услышанным.

– Кем я хочу в итоге стать, я и сама не знаю, – отвечала на вопрос профессора Вероника. – Мне и языки интересны, люблю переводить с одного на другой и обратно, сопоставлять их – здесь вот этот сильнее, а тут точнее и образнее тот. А иногда знания языков мне мало, мне хочется использовать их как инструменты для создания чего-то нового, иных, неведомых смыслов или, напротив, взять нечто из живой природы – людей, их мысли, поступки – и перенести всё письменными значками на бумагу. И чтобы бумажное потом было живее живого.

– Но это уже, как я понимаю, литературное творчество, – заметил Адам.

– Или журналистика, – добавила Вероника.

– Понятно, моя гостыя ведь на журналистике преподаёт.

– Не только из-за этого. Дать человеку вторую жизнь, запечатлеть его на века – это же здорово!

– Безусловно, – ответил Адам и подумал, что его единственный друг Марат всегда прав – материал для будущего очерка в журнале собирается полным ходом. А что в этом плохого?! Это тоже метод, сам же он отказывает журналистам в интервью, в беседах и прочих видах передачи информации о себе... Пусть все и обижаются, но Вероника с некоторых пор была для него уже не «все». Он как-то по-другому, не как обычно посмотрел на Веронику и впервые, наверное, разглядел, кроме веснушек и рыжих, вьющихся волос, закинутых густой копной назад, за спину, её большие карие глаза под высокими, писаными бровями, стрелы ресниц, направленных в него, влажный рот, с которым не раз соприкасался...

Тем временем она наливала себе из фарфорового чайника вторую чашку чая, и его взгляд этот будто встревожил её.

– Что-нибудь не так, Адам Ремович?

– Да нет, Вероника, всё нормально.

Она лёгким движением поправила и так хорошо уложенные волосы и улыбнулась:

– Адам Ремович, а я вас во сне видела!

– Пристойно?

– Вполне! Вы надо мной склонились и убаюкивали: «Спи, спи, до рассвета ещё далеко».

– Интере-е-есно, – только и произнёс ночной бродяга. – А вообще-то, – заметил он, – увидеть сон на новом месте – к новым открытиям и путешествиям.

Утренний чай не вечерний. Он более динамичен, более отягощён предстоящим днём. Обоим надо было в университет. И уже в коридоре, одеваясь, она спросила:

– Адам Ремович, а у вас раньше была кто-нибудь?

– В смысле?

– Ну, в смысле, девушка какая-либо? – Про жену она не спрашивала, поскольку весь университет знал, что он не был никогда женат. Но девушка-то в молодости, в юности могла быть?

– Нет, не было.

– Как так?

– У меня были другие жизненные установки.

– И не любили никого?

– Любил... Маму, бабушку, учительницу математики в школе...

– Её предмет, скорей всего.

Адам задумался...

– Я нередко её вспоминаю. И как женщину всё-таки тоже. Впрочем, не знаю. Возможно, она просто олицетворяла собой мой любимый предмет.

Они как-то забылись за неожиданным поворотом разговора – так и переминались одетые в коридоре, пока входная дверь не распахнулась, и на пороге не возникла женщина, но не из тех, кого имела в виду Вероника.

Это была тётя Поля, ангел-хранитель Адама, с большими пакетами в руках, из которых торчали стрелы лука, пучки зелени...

Адам тепло познакомил женщин.

Тётя Поля, несмотря на свою приветливую улыбку, одарила Веронику подозрительным взглядом.

В университет парочка пришла вместе, и толки-пересуды потекли ручейками по коридорам и аудиториям вуза.

13

Солнечный ноябрь сменился снежным декабрём. Несмотря на то что небо затянуло серой пеленой, всё вокруг побелело от первого снега, посветлело, вроде даже потеплело, и Адам спускался из своей обители на улицу без шапки, в лёгком демисезонном пальто – до университета, как известно, было два шага.

Жизнь текла своим чередом – лекции, конференции, уединённый научный труд, который я имел наглость нарушать, да ещё дёргала его Северская на разные, сводящие с пути истинного отвлечения – то в музей на какую-то залётную изовыставку, то на прогулку в городской парк. А ведь Адам начал работу над рукописью новой книги, о которой говорил он, что это будет бомба...

– ...в астрологии – подхватывал я.

– В астропhilософии, – поправлял он меня.

Однажды мы с его пассией всё-таки встретились. Ничего особенного – рыжая, вся в крапинках веснушек... Дело было вечером, я без предупреждения пришёл к нему, а они...

А они смакуют вино и играют в карты. Он радостно пригласил присоединиться, и я, взяв из буфета бокал, присел к картёжникам.

Хорошо, пусть симпатичная, пусть умная – допускаю. Однако же ему нельзя лишний раз прерывать работу над новой книгой. Он сам говорил, что прерывания чреватые потерей нити научного повествования.

Когда она уехала на такси, я сказал ему, поцокав ногтем по бокалу:

– Что-то ты стал частенько прикладываться. То в кафешке с ней, то тут... Она просто-напросто спаивает тебя. – На правах друга и персонального зав-

хоза я позволял себе тон старшего в нашей связке, тем более что и на самом деле был старше его на полгода. – Тебе же ещё до глубокой ночи работать!

А он усмехался лишь:

– А с тобой можно?

– Со мной другое дело.

И уже серьёзно:

– Ты же знаешь, я всего с напёрсток потребляю.

И впрямь, пьяным и даже чуть навеселе я ни разу его не видел. Или ревность во мне закипала, или протест поднимался, нежелание что-либо менять в наших вековых жизненных устоях? Но остановиться уже не мог:

– Совсем голову потерял с этой Северской! Влюбился, что ли, Ремыч, на старости лет, изменил своим правилам? А то у философа, якобы, один путь – к самому себе, но ни в коем случае не к алтарю инстинктов!

– Причём тут это? – разводил он руками. – Просто у меня появился ещё один друг. Я дружу с ней, у нас, несмотря на разность в возрасте, немало общих интересов, мы понимаем друг друга с полуслова. Она близка мне...

– Вот-вот!

– По духу, по мировоззрению... – пояснял он.

– То-то в университете сплетен про вас выше крыши! – восклицал я в сердцах.

Адам мог на меня и обидеться. Согласен, я был не совсем сдержан, но, с другой стороны, кто как не настоящий друг предупредит друга о возможных опасностях, таящихся в симпатичных и нередко умных индивидах прекрасной половины социума.

Я стал пересекаться с ней в университете, мы стали здороваться, а нередко и разговаривать. Однажды я встретил её под ручку с парнем. Она познакомила нас. Это был хоккеист Константин Дворов, о котором после посещения Ледового дворца рассказывал мне Адам.

Я не стал тревожить друга, не стал перебивать его восхождение на научный Эверест какими-то несущественными мелочами из жизни низины, под-

ножия великой горы, тем более что под руку с ней и его самого видел у нашего озера недалеко от «Уточки». Вот невидаль, казалось бы, когда один человек за другого держится. Не буду забегать вперёд, но мне вскоре пришлось пожалеть, что я не рассказал другу о встрече с Северной и Дворовым, что недооценил эпизод с ними.

После её ухода мы ещё долго сидели в тот вечер, обсуждали и бытовые проблемы, коих в старом доме не перечесть. Я всё записывал, запоминал. Кроме всего прочего не забывалась ещё одна проблема – второй «новый друг» Адама. Я спросил, уже прощаясь:

– А как твой марсианин поживает?

– Он не марсианин, а посланник планеты Тассея, – ответил Ремыч. – Намедни я ещё раз посетил его, передал гостинцев, поговорили.

– И что он?

– Собирается уходить оттуда.

Я не стал допытываться, каким образом. Все они – наполеоны, рамзесы, инопланетяне – уходят из жёлтого дома одинаково... По-английски, не прощаясь.

14

Волна сплетен в университете нарастала. Находились коллеги, которые о взаимоотношениях Киссина с Северной интересовались не только у меня, но и у самого профессора. Моего друга, естественно, возмущали бестактные вопросы, и он отвечал вопросом на вопрос: «Знать это – жизненная необходимость для вас?» или восклицал в ответ: «Третий!» Его не понимали: «В каком смысле “третий”?» Он объяснял: «Вы третий сегодня, кто об этом спрашивает».

Тем не менее жизнь продолжалась. Им было интересно быть вместе. Разговоры их не истощались. Она спрашивала:

– Вы говорили, что наш Млечный Путь должен столкнуться с Туманностью Андромеды, и что тогда будет?

– А ничего. Они пройдут сквозь взаимные скопления звёзд и захотят разлететься в разные стороны, но у них образуются хвосты, за которые они будут притянуты обратно в объятия друг друга. И во Вселенной образуется новое созвездие.

– Достоинно повести Шекспира! – восклицала Вероника. Порой при необыкновенных для неё новостях она нет-нет да и доставала блокнот с ручкой со словами: «Память хорошо, а записать не грех».

Во второй половине декабря резко похолодало. Люди в срочном порядке побежали на лыжах, встали на коньки, и Вероника тогда совершила феноменальное – вытащила нашего домоседа на лыжную прогулку в лес, что в нескольких километрах от города. Доехали на маршрутке, взяли на базе лыжи на прокат, покатали по лыжне. Она впереди, он за ней. Она в спортивном костюме, в пуховке и шапочке с пампушкой, он – в свитере крупной вязки, цивильном пиджаке и шапке-ушанке с бантиком завязочек в заключение общего вида.

Когда спустились с горки, Адам упал и сломал лыжу.

Когда вечером он поведал мне об этом, я сказал:

– Хорошо, что не ногу.

И всё равно спортивная вылазка ему понравилась.

– Мороз и солнце, хруст миллионов снежных созвездий под ногами!.. – Ему больше запомнился обратный путь по сугробам вдоль лыжни. – В холод каждый молод, я лет на двадцать помолодел! Правда, чуть пальцы в своих перчатках не отморозил, – делился он впечатлениями.

В другой раз они пошли на оперу «Евгений Онегин». В театре он не был со времён своего отрочества, когда с мамой, большой любительницей оперы, побывал почти на всех местных постановках. Он любил ходить в театр, это было праздником для него. Юнец с головой окунался в события, происходившие на сцене, переживал за Ленского, за Дездемону, радовался за Иоланту...

Ему и балет нравился, где также шла постоянная борьба добра со злом, и справедливость не всегда торжествовала.

Театр наш прекрасен, как по содержанию, так и по внешнему виду. На подходе к нему с весны до поздней осени бьёт жемчужный фонтан, сразу за водной феерией встречают тебя строй молодец – восемь классических колон по главному фасаду. Над колоннами треугольный фронтон, украшенный горельефами муз различных искусств, а выше всех, а венчает всё сооружение мифологическая скульптура Богини театра – Мельпомены с лирой в одной руке и вознесённым к небу венцом – в другой. Что касается интерьера – фойе, мраморных лестниц, залов и в золоте, хрустале и бархате главного зрительного зала, то ограничусь некогда услышанным определением: «Всё здесь, в храме нашем, шик, блеск и красота!»

Места их были в самом первом ряду. Это понравилось Адаму, поскольку в те далёкие отроческие времена любил он до начала спектакля наблюдать за происходящим в оркестровой яме. Там, под авансценой с суфлёрской ракушкой, под неподвижным занавесом жизнь уже давно кипела – распевалась флейта, пробовало ноту фортепьяно, трогал струну смычок первой скрипки, – самой, как обычно, красивой оркестрантки.

«Онегина» Адам любил. Во-первых, он знал поэму наизусть, во-вторых, частенько слушал арии из оперы дома в различных вариациях из разных источников «звуковых волн», в-третьих и в главном, это произведение Петра Ильича Чайковского, как и другие его вещи, возвращали его в беспечальное, солнечное детство и первые годы юности, когда все были живы-здоровы, и все искренне любили друг друга.

Поэтому можно понять состояние моего товарища на первом ряду оперного театра, когда роман в стихах зазвучал в лицах. Он слушал с замиранием сердца, повторяя за певцами некоторые

фразы, а то и опережая их, беззвучно, одними немymi губами. Вероника поглядывала на него, и когда потекли такие близкие, такие понятные строки из письма Татьяны к Онегину:

**Когда надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим...**

...И когда зазвучали эти слова, Вероника положила свою руку на его руку, сжимавшую подлокотник кресла. Он, кажется, и не заметил.

На обратном пути обсуждали поэзию и музыку «Евгения Онегина». Зашли в ресторанчик перекусить, но не в «Уточку», а в тот, что прямо напротив театра.

Вероника удивлялась письму Татьяны с объяснением в любви к Онегину, говорила, что ей непонятно, как можно написать такие признания едва знакомому человеку. Как это «Судьбу мою отныне я тебе вручаю, перед тобою слёзы лью...»? К тому же это письмо – целая поэма и весьма противоречивая. Татьяна уже к концу послания сомневается и ожидает со стороны Евгения «заслуженного укора». Зачем тогда так безоглядно доверяться и душу изливать? Я просто сомневаюсь в реалистичности поступка – Пушкин тут дал полную волю своему поэтическому, точнее, романтическому воображению.

Адам отвечал, как всегда, обстоятельно, будто лекцию читал:

– Так случается, когда сердце побеждает мозг, когда чувства берут верх над разумом. Однако не надо забывать, что Александр Сергеевич прежде всего, поэт и создавал поэтическое произведение. И чтобы оно было выразительнее, приходится поэту гиперболизировать чувства, события, повышать градус переживания своих героев. – Профессор прервался на мгновение. – И потом надо

принимать условности поэзии. Вот ты не веришь в какие-то сцены, а можешь поверить, что людям привычно разговаривать в рифму? И письмо Татьяны в рифму написано, и ответное письмо так же. В первую очередь тогда надо было заявить, что это неестественно, так не пишут письма нормальные люди и так не разговаривают. Но согласившись с условностями жанра, приняв мир художественного вымысла, всё для нас вдруг становится жизненным, всё начинает приниматься близко к сердцу. Как там у него: «Над вымыслом слезами обольюсь»? В том и сила поэзии. Или вот, скажем, условности оперы или балета... Никто же в действительности не разговаривает нараспев и на цыпочках не ходит.

– Поверил алгеброй гармонию, Адам Ремович! – резюмировала Вероника. – Но мне больше по душе Ленский, а не этот холодный и чопорный Евгеша. Лучше бы Пушкин не убивал своего коллегу посреди романа. Жестоко как-то. Или это предчувствие своей судьбы? Кстати, вспомнилось мне, что Владимир Ленский был и вашего поля ягода.

**Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт...**

Помните?

– Конечно, и наизусть. Хоть я и не Гроссман, но смею заверить: Канта Пушкин по делу ввернул, Ленский-то в свою деревню из Германии туманной вернулся, где, значит, и познакомился с трудами философа, откуда и привёз «учёности плоды» и «вольнолюбивые мечты»...

Как-то после лекций встретил Северскую и разговорился с ней. Она сказала, что знакомство с Киссином даёт ей очень много, и предположила, что год неформального общения с профессором равен, наверное, пяти годам обучения в ином престижном вузе, если не больше.

Северская была умной дамой и, уловив мою озабоченность или вспомнив будораживший университетскую публику нездоровый интерес к ней с профессором, сказала на опережение:

– Нет, ничего такого между нами не было. Мы как два ангела, просто он из разряда херувимов, самых близких к Богу, а я из рядовых. Не знаю, что буду без него делать!

Я не придал этому вопросу внимания. А надо было.

Новый год, как известно, семейный праздник. Встречали его каждый у себя. Я со своей семьёй, Вероника со своей мамой, Адам – со своей персоной, один на один, как и положено подлинному философу. Я приглашал его, заманивал гусем, жаренным в яблоках, фортепианной музыкой, но бесполезно, он остался у себя дома, утверждая, что это имеет тройную выгоду: во-первых, не вставать на ходули благовидности, во-вторых, не лицезреть других на таких же ходулях и, наконец, остаться с самим собою наедине, ибо только одиночество предоставляет человеку полную свободу.

– Какие ходули, друг мой ситный, какая благовидность между нами с тобой! – отругал я его. – Может быть, это вы с Северской встаёте на них, когда встречаетесь?

Адам промолчал. Была у него такая привычка – не отвечать на несообразные, по его мнению, вопросы.

До этого, неделей ранее, мы решили отметить у него дома, как повелось у нас с незапамятных времён, день декабристского выступления 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга. Читали стихи Пушкина, Рылеева, Дельвига, Кюхельбекера, выдержки из Чаадаева...

– Принятие конституции, отмена крепостного права, выборное правление, свобода, равенство на их знамени, разве это плохо? – вопрошал Адам.

Что интересно, я жил в нашем городе как раз на улице Декабристов и испытывал чувство гордости, когда отмечал свой домашний адрес в различных бланках или записывал на почтовом конверте. Разве сравнишь название моей улицы с какой-нибудь Газовой, Арматурной или Второй тупиковой?!

Я ещё в тот упомянутый декабрьский день позвал его на Новый год, а когда он отказался, спросил:

– А Северскую уж, наверно, пригласил?

– Нет, – ответил он. – Вероника с мамой останется.

– Может, она к себе пригласила?

– С какой стати? Я что, жених, что ли?

– Почему бы и не стать им? – то ли всерьёз, то ли в шутку произнёс я.

– А что нельзя вот общаться с человеком без этого... – Адам запнулся и не сразу ответил: – Без жениховства.

– Пожалуйста, но появится другой жених и уведёт её. И останешься у разбитого корыта.

– Почему? Разве наши отношения изменятся?

– Их у вас вообще не станет, не будет их больше, они испарятся. Таков закон природы. Инстинкт выше разума, сам же проповедовал. Сильный, волевой, решительный всегда возьмёт верх над разумным, образованным, интеллигентным. Никуда не денешься! Глупый, невоспитанный, но, ядрёна мать, крепкий мужик затмит в глазах женщины любого интеллектуала. Не просто затмит, а выкинет его за орбиту всяческого общения со своей избранницей. А если он ещё и богат?!

Адам не перебивал, лишь моргал учащённо.

Я не гнал лошадей, но и не сворачивал:

– Не спорю, ты свято придерживался своей теории уединения, долго, терпеливо... Однако жизнь шире любых идей. Ты ведь любишь её, я не слепой. И она к тебе равнодушна. Так в чём же дело!

Беги к ней скорее, предлагай руку и сердце, не ошибёшься.

– Но я не создан для семейной жизни, – бурчал он. – Да ещё старше её более, чем на двадцать лет.

– Такие браки бывают наиболее крепкими, а дети от них – даровитыми, – наседал я.

– Вот уж загнул!

– Ничего не загнул, примеров предостаточно.

Я понимал, на такие поступки не решаются по щелчку пальцев. Особенно у таких люди, как Адам Киссин. Волевой, энергичный, дерзкий в науке, он в обыденности был каким-то тормознутым. И ничего тут, в принципе, удивительного. Закон возмещения в действии: если ты в чём-то одном преуспел, то в другом окажешься хромым, то есть, по образцу Адама Ремовича, холостым, одиноким, бездетным.

Интересное слово «холостой». Это когда пред тобой прекрасный боец, стрелок, но боевые патроны он запрятал куда-то, а винтовка его начинена холостым зарядом... Так, что ли? Не знаю.

Однако давайте благосклонней отнесёмся к моему другу. Он выбрал свой путь и прилежно следует им. Да, он, быть может, не от мира сего, не ходит строем под марши общего миропорядка, но таких добронравных, честных и, возможно, чересчур правильных людей я в своей жизни больше не встречал.

Помнится, я спросил его в тот декабрьский день:

– Адам, если б Боже Всемилостивый предоставил тебе возможность исполнить заветные мечтания из самого заоблачного, просто фантастического, чтобы пожелал?

Он задумался, но ненадолго:

– Хотел бы подняться на Эверест. По всем правилам, через все трудности восхождения, а не как лягушка-путешественница. Хотел бы взглянуть на нашу родную планету из иллюминатора космического корабля, увидеть её со всеми морями-океанами, горными хребтами,

лесами, пустынями, городами или пусть и маленькой звёздочкой далеко в небе. А ещё хотел бы, чтобы на Землю опустился вечный мир и все люди на свете были счастливы.

– А я думал, скажешь: «...Чтоб мир и счастье были вечно у вас с Вероникой».

– Что-то тебя сегодня заело на одно и то же. Смени пластинку. Может, за был, зачем «все мы здесь сегодня собрались»?

– Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы! – воскликнул я из посвящения «нашего всего» Чаадаеву.

Мы сели за стол, который по праздникам накрывался старинной скатертью с вышивкой по краям и бахромой. На ней ласкали взгляд всякие вкусняшки собственного приготовления во главе с хрустальным графином, который он зажёл рубиновым огнём из своей коллекционной кладовой.

– *Ergo bibamus**!

– За свободу, равенство и братство! – сменил я окончательно пластинку. И мы встали и содвинули бокалы разом за героев далёкого декабря.

16

К концу года на город пали большие снега. Сугробы поднялись выше человеческого роста. «Как в детстве!», – восхищался Адам, оглядывая зимнее роскошество. Ребятишки лепили снежных баб, строили неприступные крепости, автомобилисты ругались, откапывая своих верных коней.

Новый год Адам встречал, как нередко, один на один с самим собой. Первой с наступающим его поздравила Вероника. Она нашла особо тёплые и душевные слова, которые тронули душу профессора, и он подумал: насколько она всё-таки знает, чем он дышит! Поздравления в тот вечер сыпались наперебой. Даже инопланетя-

нин умудрился поздравить. Я еле-еле вклинился между звонками и повторил приглашение:

– Может, сподобишься, закажешь такси и – к нам, на гуся лапчатого?

Он отказался, затем они с моей женой обоюдно поздравились, и её приглашение оказалось тоже безуспешным.

– Ладно, – сказала она, – встретимся в молодом году.

Под кремлёвские куранты Адам звонко чокнулся с фужером, отражённым в напольном, дедовском зеркале, слегка перекусил и пошёл к себе в кабинет работать.

Так буднично и в то же время плодотворно жизнь моего друга перекочевала из одного года в другой. Утром я долго не мог дозвониться до него, пока, обеспокоенный, не нагрязнул к нему с большой сумкой гостинцев. Оказывается, он отсыпался после новогодней вахты, которая длилась почти до самого утра.

– У меня была прорывная ночь, – сообщил он. – Я чуток застопорился на излёте прошедшего года, а вот теперь, в новом, всё пошло-поехало.

Я знал, что Адам начал новый труд. Он даже знакомил меня с отдельными частями и теперь хотел что-то показать, но я перебил его вопросом:

– Вероника-то звонила?

– Да, – ответил он, – вчера поздравила с наступающим.

– А сегодня?

– Сегодня – нет.

После этого он всё-таки затащил меня в свой кабинет и стал зачитывать кусками свою прорывную идею. Мы общались с ним, пока за окном не замерцали сумерки, и он не включил свет.

На его телефоне заиграл «Одинокий пастух».

– Это Вероника, – сообщил он.

Я наблюдал со стороны, как его радостное лицо недоумённо вытягивалось. Это был какой-то односторонний монолог с её стороны. Он слушал молча, что-то пытался сказать, но не сказал

* *Ergo bibamus* (лат.) – Итак, выпьем.

и вышел из кабинета, не отрывая телефон от уха.

Разговаривали они долго.

– Что случилось? – спросил я после.

– Она уезжает, – произнёс он потухшим голосом.

– Куда? – остолбенел я.

– В Канаду со своим Костином.

– С какой стати?

– Его пригласили играть в НХЛ, – проскрипел он и уже отчётливо пояснил – За «Toronto Maple Leafs».

– За «Кленовые листья Торонто»? Но у него действующий контракт с нашим клубом.

– Его ещё в восемнадцать лет, оказывается, задрафтовали. Но по договорённости он остался у нас.

– И его отпустили? – удивился я.

– Не препятствовали, – ответил он, подняв голову. – Даже бурные проводы устроили.

– А Вероника в качестве невесты?

– Нет, в качестве переводчицы.

– Ну да, он же по-англицки не копенгаген. – Хоккей и внутреннюю жизнь лиги я-то знал получше Адама. – Непонятно только – в Канаде переводчики перевелись?

– Этого я уж не знаю, – развёл он руками.

– И как всё оформить удалось? – не переставал я удивляться. – Впрочем, при желании у нас и не такое возможно.

Мне казалось, она всё же в качестве невесты отправилась. Но говорить этого не стал. И без того на Адаме лица не было.

Он опустился в кресло, глубоко замолчал, взявшись за виски. Потом будто черту подвёл под всей своей жизнью:

**Опущен занавес...
Спектакль закончен...
И роль твоя отыграна
На «бис»...**

И опять онемел.

Я тихой сапой стал проталкивать

какие-то осторожные мысли, нельзя было молчать вместе с ним:

– В теоретической философии доказывается, что нет на свете ни начала, ни конца. Ничто не берётся из ничего и не превращается в ни что. За каждым концом следует начало чего-то нового. – Я втюхивал ему то, что он лучше меня знал. – И спектакль твой не закончен, просто надо вернуться к прежнему репертуару. Забыл о своих прорывных рукописях в кабинете? Они там не знают, что делать без тебя.

Он не отвечал на мои увещевания.

Я не выдержал и выругался трёхэтажной обсценной лексикой и спросил ехидным голосом:

– А не могла она всё это сказать тебе в глаза, не по телефону?! Ведь и не вчера всё это стало известно. Сколько она морочила тебе голову, пудрила мозги и терзала сердце?! Какая подлость и ничтожество! Все рыжие, между прочим, такие! Но всё равно не предполагал подобную низость, не думал!

Хотя, между нами говоря, ещё как думал! Но ничего поделаться не мог. Иногда прорывались опасения, но в глубине души и надежда тлела – а вдруг мой одинокий товарищ женится, наконец, займёт семью, заживёт нормальной жизнью. Ведь не такой уж он и старый, полтинника даже ещё нет. И подталкивал ведь порой к решительным шагам – только вот не получалось. Да и не могло получиться с таким человеком, как мой идейный друг.

17

Адам изменился после того новогоднего дня, вернее, новогоднего подарочка судьбы, вернее, и не судьбы, а конкретного человека, к которому он потянулся, как к запретному плоду. Он, как известно, и так необычен был, а тут его странности утроились. Он, сводивший раньше до минимума бесполезную трату времени, отвергавший все отвлечения от главного его дела, теперь мог

подолгу сидеть у озера и наблюдать за падающими снежинками, пока скирды снега не выростали на его плечах. Он отряхивался, но не знал, что и на шапке давно сугроб, так и шёл в белоснежной папахе домой.

Осложнения продолжались. Однажды по непонятным причинам доктор философии не явился на свою лекцию, а в другой раз прервал её на полуслове и, схватив портфель, выбежал из аудитории.

Я посещал его как обычно, но он уже обычным не был. Был молчалив, рассеян, даже неопрятен – где пробор ничтой, где отутюженная белая рубаха? Я расспрашивал его о минувших днях, он машинально отвечал, что у него всё нормально, и вкратце рассказывал, как будто отчитывался:

– После обеда читал лекцию об идеализме Платона, а до обеда посетил Ирдена, отвёз ему тёплых вещей.

– Как он там?

– Готовится.

– К чему?

– К возвращению на родину.

– Понятно. – Но меня больше интересовало другое: – Вероника не звонила?

– Нет.

– И не писала?

Он только развёл руками.

В начале февраля Адам пропал. Сначала я названивал по телефону, потом пошёл к нему домой, открыл двери своими ключами... Чисто и ни души. Я позвонил тёте Полине. Она уже неделю грипповала, лежала у себя дома с высокой температурой. Я поехал в университет. У входа встретил «самого дисциплинированного студента» Тётушкина. Он сказал, что профессора Киссина не было уже на двух лекциях, заболел, что ли? Тут ещё один студент, Булатов, появился и подтвердил слова однокурсника.

Это послужило поводом позвонить в полицию и сообщить о пропаже человека.

Куда он мог деться? Ближе к обеду я дошёл до «Уточки». Роберт был на месте. Я поинтересовался, не заходил ли Адам к нему на огонёк. Роберт сообщил, что пару дней назад профессор был у него. И вот что он рассказал:

– По обыкновению Адам Ремович занял своё место у окна. Я спросил: «Как всегда, на двоих?» Я же знал, что Вероника приходит всегда чуть позже. Он ответил: «Да, на двоих». Пока я расставлял приборы, он достал из портфеля бандероль, распечатал конверт. Это был журнал, он раскрыл его и стал читать. Вскоре вместо Вероники пришёл какой-то подозрительного вида, наголо постриженный, но не бритый мужчина, и они стали оживлённо беседовать.

– О чём они говорили? – спросил я.

– Не расслышал, – ответил Роберт и стал объяснять, что голова его забита предсвадебными проблемами, что скоро он женится и что просто обслужить их – и то было проблемой. – Одно имя только до меня долетело: то ли Артур, то ли Арктур – не разобрал. И даже не понял, кто из них произнёс.

– Долго они были?

– Не так долго. Ушли, не переставая разговаривать, и Адам Ремович забыл у себя на стуле тот самый журнал.

Роберт отлучился на минутку и принёс его мне. Это был номер «Рефлектора» и, конечно, с очерком о докторе Адаме Киссине. С большим его портретом под заголовком. Я не стал читать, не до этого было, распрощался с Робертом и направился в полицейский участок.

Но всё бесполезно. Как в чёрную дыру канул мой друг. Не объявился он ни через день, ни через два, ни через неделю... Связывался я и с Южноевропейской обсерваторией, о которой Адам мечтал, и с его отцом... Да, забыл сказать, побывал, не откладывая, и в психбольнице, куда он в последнее время зачастил, спросил про «инопланетянина» по имени Ирден. Главврач сказал мне, что тот исчез.

– Он уже и до этого делал ноги, неподдержимый оказался пациент. И стран-

ный какой-то, хотя у нас все странные, но этот особенно, излагал такие вещи, которые не каждый образованный человек знает, у самого ни паспорта, ни родственников... Всё рассказывал о созвездии Волопас. И впрямь подумаешь, что марсианин какой-то...

Я спросил о времени, когда он сбежал. Совпало примерно с днём встречи его с Адамом в «Уточке». Расскажи кому всю историю общения учёного с посланником планеты Тассея из далёкого созвездия и сделай напрашивающиеся выводы о пропаже профессора, самого в жёлтый дом без очереди устроят.

Прошло полгода, а его нет как нет. Что только не предполагали горожане, какие только соображения не выдвигали! И не только в кулуарах вузов и на правительственном уровне, но и широко в СМИ. В одной бумажной газете прочёл: «Астрофилософ ушёл в астрал», в другой, электронной: «Учё-

ного унесло звёздным ветром» – здесь обыгрывалось то, что Киссин якобы страдал звёздной болезнью. Не говорю уж о простых сплетнях, где, в частности, бродили предположения, будто он уехал вместе с Северской, прикрывшись отъездом Дворова.

Прошло полгода. Лето. Ни одной дождинки за месяц. Сажу у озера, вечернеет. В ясном небе зажигаются первые звёзды, а я всё думаю о своём друге: как так, был человек, и нет его? Не верю, не может такого быть, не укладывается в голове. Где-то он всё равно есть. Я вглядываюсь в чистое, вечернее небо, в ярко проявившиеся созвездия... А может, он и в самом деле сейчас находится где-нибудь в россыпи Волос Вероники, в её объятиях, и смотрит на планету Земля, любителю издали, как рассказывал мне когда-то о своих несбыточных мечтах. Вот и сбылись они, а-а?

Я тяжело встаю с лавочки и иду, уже не поднимая головы.

2024

